

DOCUMENTS OF THE HELSINKI
WATCH GROUP IN THE USSR

NUMBER TWO

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ

ОБЩЕСТВЕННОЙ ГРУППЫ СОДЕЙСТВИЯ
ВЫПОЛНЕНИЮ ХЕЛЬСИНКСКИХ СОГЛАШЕНИЙ

ВЫПУСК ВТОРОЙ

KHRONIKA PRESS
NEW YORK, 1977

**DOCUMENTS OF THE HELSINKI
WATCH GROUP IN THE USSR**

NUMBER TWO

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ

**ОБЩЕСТВЕННОЙ ГРУППЫ СОДЕЙСТВИЯ
ВЫПОЛНЕНИЮ ХЕЛЬСИНКСКИХ СОГЛАШЕНИЙ**

ВЫПУСК ВТОРОЙ

**KHRONIKA PRESS
NEW YORK, 1977**

Documents of the Helsinki Watch Group in the USSR

Copyright © 1977 by Khronika Press

Published by: KHRONIKA PRESS 505 8th Ave., New York, N. Y. 10018

Manufactured in USA

СОДЕРЖАНИЕ

Reports of the Helsinki Watch Groups in the USSR	5
Three months before Belgrade	12

Документы 7-17

7. Новые аресты по обвинению в религиозной или пропагандистской деятельности	17
8. О злоупотреблениях психиатрией	21
9. [О судьбе евреев села Ильинка]	24
10. О грубых нарушениях права национальных меньшинств на равенство перед законом	26
11. О праве на эмиграцию по религиозным мотивам	31
12. Об украинских беженцах	34
13. Требования эмиграции по экономическим и политическим причинам со стороны рабочих	39
14. Борьба Эмилии Ильиной за право выезда из СССР	55
Общие замечания к документам №№ 11-14 о грубом нарушении права граждан на выезд из страны проживания	64
15. Об исключении семерых учеников из средней школы им. Вьнуолиса (Вильнюс)	67
16. Заявление Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР по поводу обысков, проведенных 4-5 января 1977 г. у членов Группы	69
17. Об узниках совести, нуждающихся в срочном освобождении по состоянию здоровья	104

Приложения

Заявление о репрессиях против членов Группы Марченко, Гинзбурга, Щаранского и Слепака	119
Заявление "Анатолию Марченко угрожает внесудебная расправа"	120
Заявление об обыске на квартире Д.И. Каминской и К.М. Симеса	122
Специальное сообщение о вызове в КГБ сына М. Ланда	124
<i>М. Ланда. "Система заложников"</i>	125
Подборка писем в Хельсинкскую группу	130

REPORTS OF THE HELSINKI WATCH GROUPS IN THE USSR

Khronika Press has received the following recent documents from the Moscow Helsinki Watch Group:

a) Document 11: The Right to Emigrate for Religious Reasons (December 2; 2 pages plus appendix consisting of documents on the situation of Pentecostal Christians; signed by Alexeyeva, Bonner, Ginzburg, Landa, Orlov, Shcharansky, Slepak). The extensive documentation made public by the Helsinki Watch Group as an appendix to this document details the persecution of hundreds of Pentecostals for religious reasons, persecution which has led whole Pentecostal communities to set up Emigration Councils and to seek the right to emigrate. Pentecostals and other religious believers are subject to arrest, fines for participation in religious rites, and discrimination which is written into Soviet law. A few Pentecostals have already succeeded in emigrating, and they can supply personal testimony verifying the facts contained in this document (for example, Evgeny Bressenden now living in California). In the case of the Pentecostals, large families with limited means are frequently involved, so that the exit fees are a serious barrier to free emigration. Religious dissenters fleeing persecution have made significant contributions to the development of the US, Canada and other Participating States.

b) Document 12: Ukrainian Refugees (December 2; signed by Alexeyeva, Ginzburg, Landa, Orlov, Bonner, Grigorenko, Shcharansky). Ukrainian prisoners of conscience comprise a large fraction of such prisoners held in Soviet camps, for instance 13 of the 20 political prisoners in Mordovian Camp 1. Many Ukrainian prisoners (S. Karavansky, Vasily Romanyuk, Valentin Moroz and others) are serving second or even third terms. The families of Ukrainian prisoners are harassed by the KGB and local authorities. Many families of Ukrainian prisoners want to emigrate and many have relatives in the US or Canada, but the Helsinki Group knows of only four Ukrainian families who have received permission to join relatives in the US and the situation is similar with respect to Canada. The Group asks assistance in locating relatives in the West of the Ukrainians who wish to emigrate and in securing the necessary invitations. A list of 17 Ukrainian families (with their addresses) wishing to emigrate is appended to Document 12, and also a list of 25 political prisoners known to have renounced their citizenship.

c) Document 16: Searches and Other Harassment of Group Members (January 7; signed by Alexeyeva, Ginzburg, Shcharansky, Landa, Orlov). On January 4 searches were conducted at the homes of Ludmilla Alexeyeva, Alexander Ginzburg, Yury Orlov, Ludmilla Ginzburg (Alexander Ginzburg's mother), and Lidia Voronina (a friend of Alexeyeva who had gathered material on the Pentecostals). While the searches were in progress, TASS issued a bulle-

tin calling Orlov, Ginzburg and Alexeyeva NTS (Popular Labor Alliance of Russian Solidarists, an emigre organization) agents controlled from Paris. This disinformation concocted by the KGB and TASS was aimed at discrediting the Group and its information. This is how the Soviet government is preparing for Belgrade. Desperation has caused a return to Stalinist methods. During the December searches at the homes of Ukrainian Group members, forty American dollars were planted on Mikola Rudenko, pornographic postcards on Oles Berdnik, and an old German rifle on Oleksy Tikhy. In Moscow, foreign currency was planted in Ginzburg's apartment, and confiscated items were not properly recorded in the search protocols. Attempts to liquidate the Helsinki Watch Group will backfire on the Soviet government. The awakening of democracy and a sense of law has deep economic and political roots. Attempts to stop this awakening by Stalinist methods show that the regime has lost its sense of reality.

Five appendices were attached to this report: a) The Search at Orlov's Apartment (January 7; signed by Orlov); b) The Search at Ginzburg's Moscow Apartment (no date, no signature); c) The Search at Alexeyeva's Apartment (January 12; signed by Alexeyeva); d) The Search at Voronina's Apartment (January 9; signed by Vornina); e) The Search at Alexeyeva's Apartment (January 9; signed by Shcharansky and Voronina). The search at Orlov's apartment began on the morning of January 4, was directed by senior investigator Alexander Tikhonov and resulted in the confiscation of five cartons of materials; Orlov's friend Alexander Podrabinck and Orlov's wife Irina were present during the search. The search at Ginzburg's apartment began at 8:45 AM, January 4, and lasted until 3:40 AM, January 5; it was directed by senior investigator Borovik. When the search began, only Ginzburg's wife Irina Zholkovskaya was home; Alexander Ginzburg arrived with his friend Yury Mnyukh at 9:15 AM. The search at Alexeyeva's apartment began at 8:30AM, January 4, and lasted until 7PM; it was directed by senior counsellor of justice Nesterov. Alexeyeva's husband Nikolai Viliams was present during the search, and after 11 AM, Alexeyeva's friends Lidia Voronina and Anatoly Shcharansky. The search at Voronina's apartment began at 8 PM, January 4, and lasted until 1 AM January 5; it was directed by Pantyukhin. Vladimir Slepak was present for some time. When the searches began, a request was made to turn over all materials "slandering the Soviet social and state system." Alexeyeva was informed that the search was being conducted in connection with Case 46012/18-76. All papers pertaining to the work of the Helsinki Watch Group, even blank stationery, were confiscated in the course of the searches. Also confiscated were: foreign books, magazines and newspapers; books by Bely, Bulgakov, Tsvetaeva, etc.; personal letters; typewriters; notebooks; samizdat, and tape cassettes. In addition, documentation on 1,100 Meskhi living in Azerbaijan and on the persecution of children of Ukrainian and Central Asian religious believers was confiscated from Orlov's home. Materials relating to Ginzburg's work in providing aid to political prisoners and their families - files on political prisoners; letters from prisoners and their families; 5,000 rubles; 150 certificate rubles; bonds, saving bank books,

receipts for money and packages received from abroad; a general power of attorney from the Solzhenitsyn family – were confiscated from Ginzburg's home as well as 300 rubles belonging to Ginzburg and his wife personally. During the first ten minutes of the search at Ginzburg's apartment, Borovik himself searched the bathroom and produced an envelope containing \$130 and 4,300 German marks. During the search, emergency first aid had to be summoned for Zholkovskaya who blacked out. Numerous violations of the Code of Criminal Procedure were committed during the course of these searches. Ludmilla Alexeyeva was summoned for three interrogations after the searches, but she was never questioned about her alleged ties to the NTS; in general, she refused to answer questions, since she believed that Case 46012/18-76 was directed against the Helsinki Group of which she is a member.

d) Document 17: Prisoners of Conscience in Need of Prompt Release for Health Reasons (January 14, 1977; signed by Alexeyeva, Ginzburg, Landa, Orlov, Shcharansky; 4 pages plus 8 page appendix). The harsh conditions of confinement in Soviet labor camps – and especially in prisons and special regimen labor camps – seriously undermine the health of the prisoners. Almost all prisoners develop cardiovascular, kidney or digestive tract ailments. The hunger and cold inflicted as disciplinary measures on prisoners in punishment cells aggravate these conditions. Medical services are inadequate. Medical personnel are employees of the Ministry of Internal Affairs and give first priority to fulfilling the Ministry's directives. For example, Yakov Suslensky was put in a punishment cell even though he had suffered a heart attack; after his release from the punishment cell he suffered a stroke. Alexander Sergienko was confined in a cold, damp punishment cell on reduced rations despite the fact that he suffers from tuberculosis. Camp hospitals and medical services are primitive, often lack the necessary medicines, and sick prisoners are often not excused from work. The International Committee of the Red Cross has never been permitted to visit Soviet places of confinement despite many requests by prisoners. Encouraged by the Bukovsky-Corvalan exchange, we suggest the early release of seriously ill prisoners as a preliminary step to the release of all prisoners of conscience. Articles 100 and 369 of the RSFSR Corrective Labor Code provide procedures for the early release of ill prisoners, but these provisions have only been applied in exceptional cases, when the prisoner is already a "stretcher-case." The appendix contains a list of prisoners who are reportedly seriously ill and eligible for early release. The list is, of course, incomplete, and the recent fire in Malva Landa's apartment and the searches conducted at the homes of Orlov, Ginzburg and Alexeyeva resulted in the loss of some of the material we had collected.

Appendix. Where known, the appendix includes date of birth, time remaining to be served, and illness. In this summary, we include only name and place of detention.

Vladimir Prison, special regimen: Vasily Fedorenko, Trofim Shinkaruk, Yuri Shukhevich.

Vladimir Prison, strict regimen: Zinovy Antonyuk, Vladimir Balakhonov, Nikolai Budulak-Sharygin, Georgy Davydov, Gabriel Superfin, Leib Khnokh,

Bagrat Shakhverdyan.

Mordovian special regimen labor camp ZhKh 385/1: Ivan Gel, Svyatoslav Karavansky, Eduard Kuznetsov, Valentin Moroz, Alexei Murzhenko, Mikhail Osadchy, Yury Fedorov.

Mordovian strict regimen women's labor camp ZhKh 385/3-4: Oksana Popovich, Irina Stasiv-Kalynets, Irina Senik, Stefania Shabatura.

Mordovian strict regimen labor camps: Paruir Airikyan, Vasily Lisovoi, R. Markosyan, Vladimir Osipov, Petr Sartakov, Sergei Soldatov, Ludovitsas Simutis, Vasily Stus, Yury Khramtsov, Vyacheslav Chronovil.

Perm strict regimen labor camps: Dmitri Basarab, Gimpu, Stepan Sapelyak, Sergei Kovalev, Valery Marchenko, Iosif Mendelevich, Vasily Pidgoretsky, Razmik Zograbyan, Evgeny Pronyuk, Alexander Sergienko, Ivan Svetlichny.

Prisoners in camps for common criminals but prosecuted for political motives: Vladimir Arkhangelsky, Mustafa Dzhemilev, Alexander Feldman, Mikhail Shtern.

Persons in internal exile for political reasons: Vladimir Gandzyuk, Pavel Kampov, Mykola Gorbali, Alexander Bolonkin, Anatoly Marchenko.

* * *

Khronika Press has summarized two documents issued by the Ukrainian Helsinki Watch Group and published in English by the US Commission on Security and Cooperation in Europe:

a) Declaration of the Ukrainian Public Group to Promote Observance of the Helsinki Accords (November 9; signed by Oles Berdnik, Petr Grigorenko, Ivan Kandyba, Lev Lukyanenko, Oksana Meshko, Mikola Matusevich, Miroslav Marynovich, Mikola Rudenko, Nina Strokata, Oleksy Tikhy). The Group regrets that the Ukraine, which is a full member of the United Nations, did not have separate representation at the Helsinki Conference. The Group's objectives are: to acquaint Ukrainians with the Universal Declaration of Human Rights; to promote implementation of the Helsinki Final Act; to seek separate representation for the Ukraine at appropriate international conferences; to promote the free flow of information and ideas. In order to inform the participating states of human rights violations in the Ukraine, the Group will: accept written complaints and transmit them to the participating states; compile and disseminate information on the application of law in the Ukraine; and study violations of human rights affecting Ukrainians living in other Soviet republics.

b) Memorandum 1: The European Conference and the Development of Legal Consciousness in the Ukraine (November-December; signatures same as above). The memorandum contains brief biographies of the founding members of the Group. It then reviews the history of persecutions in the Ukraine: 10,000,000 Ukrainians destroyed by the collectivization and famine of 1930-33; hundreds of thousands of Ukrainian political prisoners shot in 1937; the war with Germany; repressions resulting from the post-war suppression of the

Ukrainian Insurgent Army; the imprisonment of Ukrainian intellectuals in the 1960s and 1970s. The massive arrests of 1972 and the severe sentences given to Ukrainians account for the very large proportion of Ukrainians in the Mordovian camps and other penal institutions for political prisoners. The memorandum then supplies data on 75 Ukrainians currently serving sentences outside the Ukrainian SSR. Information is given on six Ukrainians detained in psychiatric hospitals. Since August 1, 1975, no improvement has been noted: surveillance and firings continue; new prisons are being built; and the KGB controls all aspects of life.

* * *

This report on the activities of the Lithuanian Helsinki Watch Group was written by Tomas Venclova.

The Lithuanian Group to Promote Observance of the Helsinki Accords was formed on November 25, 1976. Several days later, a statement on the Group was distributed at a press conference held in Yury Orlov's apartment in Moscow. On December 1, 1976 the Reuters Agency put a story on the wire about the Group and its activities.

The Group has five members – people of widely different background and views. Four of them are Lithuanians, and one is a Jew. Their common purpose is to promote, legally and openly, observance of the Helsinki accords insofar as Lithuania is concerned. Although the Group is merely a free association of five persons, its members have reason to believe that their opinions are shared by a great many inhabitants of Lithuania who for various reasons cannot express them openly.

The Group has no chairman and no charter. Its oldest member is Ona Lukauskaite-Poskiene (b.1906). In independent Lithuania she was known as a poet and a left-wing social activist. She took part in the postwar anti-Stalinist movement, and has spent about ten years in concentration camps. Some of her latest work has been published by the Lithuanian press in the United States.

Father Karolis Garuckas, also of advanced years, is the priest of the village of Peikinjai (in northeastern Lithuania), and a member of the Society of Jesus. He is known as an activist in the religious movement in Lithuania, and has repeatedly criticized the official Lithuanian church hierarchy.

Viktoras Petkus, a religious activist, has spent sixteen years (1945-53 and 1957-65) in prison. He was an observer at the trial of Sergei Kovalev. Petkus is an authority on Lithuanian history and poetry.

Tomas Venclova, a poet and literary critic, is the son of Antanas Venclova (1906-71), the well-known Soviet writer. Tomas Venclova has translated into Lithuanian works by Joyce, Eliot, Mandelstam, Pasternak, and Akhmatova. In May 1975 he filed with the Central Committee of the Lithuanian Communist Party a request for permission to emigrate. It took more than a year after that to overcome all kinds of bureaucratic obstacles. Venclova's poetry has been published in the journal *Kontinent* (No. 9, 1976).

Eitan Finkelshtein is a physicist and an activist in the Jewish movement. He has been a "refusenik" for six years.

The Group has published a manifesto (November 25) giving the names and addresses of the members. It should be noted that the Group includes both activists in the liberal democratic movement (Ona Lukauskaite-Poskiene and Tomas Venclova) and Catholic activists (Father Garuckas and Viktoras Petkus), while the national minorities of Lithuania are represented by Eitan Finkelshtein.

The manifesto states that the Group will devote major attention to the humanitarian provisions of the Helsinki Agreement. Members of the Group are prepared to receive statements from individuals, groups, and organizations concerning violations of the Helsinki Agreement on the territory of Lithuania, relating to Lithuania, or specifically to Lithuanian problems. The Group hopes that the participating states will bear in mind that Lithuania's present status was determined by the June 15, 1940, entry of Soviet troops onto her territory, and will take special pains to see that human rights are not violated in Lithuania.

The Lithuanian Group is not a part or branch of the Moscow Group, but it maintains friendly relations with it.

The Group has published two documents and one other statement in addition to its manifesto. The first document, which bears the signatures of Yury Orlov and Ludmilla Alekseyeva in addition to those of the Group's members, deals with the cases of two Lithuanian Catholic bishops, Yulionas Steponavicius and Vincentas Sladkevicius, who are serving long terms of exile for their refusal to collaborate with the KGB and cannot administer their dioceses.

The second document contains a criticism of the Decree of July 28, 1976, on religious organizations in Lithuania; this Decree interferes with a normal religious life and infringes on freedom of conscience. The other statement reports that two residents of Vilnius, Vladas Lapienis and Jonas Matulenis, were arrested on October 19, 1976, and charged with circulating anti-Soviet literature.

On January 6, 1977, Tomas Venclova received permission to leave the USSR.

On January 11, 1977, Ona Lukauskaite-Poskiene was summoned to the Procuracy of Sauliai (where she resides). For about three hours, attempts were made to intimidate her and get her to renounce her membership in the Group, but these attempts ended in failure.

Tomas Venclova, who left for the West on January 25, 1977, has stated that despite his temporary absence from Lithuania (he was issued a Soviet passport valid for five years), he is still a member of the Group and will represent it abroad. On February 24 Venclova testified before the US Commission on Security and Cooperation in Europe. In his testimony, he mentioned many violations of human rights in Lithuania and related to Lithuania, including the cases of prisoners of conscience Nijole Sadunaite and Sergei Kovalev, the death of Mindaugas Tomonis, the expulsion from high school of Vytautas Bogusis and four of his friends because of their interest in Lithuania's past, in religion, and in the Russian dissidents. He also pointed out pressures on priests performing their pastoral duties. In late 1976, Father Stanislovas Dobrovolskis was summoned to the Vilnius KGB office and threatened with transfer to a remote parish; and in 1976, Father Alfonsas Svarinskas was convicted and fined for

organizing a religious procession.

Venclova also referred to the cases of: Kestutis Yokubynas, a former political prisoner, who for many years has been denied permission to visit his brother in Canada; of Pukhlyakov, a resident of Panevezys, who filed a complaint with the Group that he had been forcibly confined in a psychiatric hospital; of the Pentecostal Christian, Vasilev, a resident of Vilnius, who wishes to emigrate because of administrative harassment. Thousands of Lithuanians who took part in the postwar partisan movement, have not been allowed to resettle in Lithuania after serving their sentences. This serious violation of freedom of movement is aggravated by the fact that Lithuanians in other republics have absolutely no opportunity for Lithuanian cultural activity.

According to latest reports, all members of the Lithuanian Group are still at liberty, and it continues to exist, although its activities have been hampered.

* * *

The Commission on Security and Cooperation in Europe (3257 House Office Building, Annex 2; Washington, D.C.) published on February 24 a partial compilation of the reports of the Helsinki Watch Groups in the USSR. This 124-page brochure contains the full English-language texts of the majority of the reports issued by the Moscow, Ukrainian, and Lithuanian Helsinki Watch Groups in 1976.

THREE MONTHS BEFORE BELGRADE

A Report of the Moscow Helsinki Watch Group

1. A General Assessment

The course of events since August 1976 when the Helsinki Watch group published its review "A Year After Helsinki" has shown the justice of our appraisal of the human rights problem in the USSR. Our statement that "the Soviet government does not intend to fulfill its international human rights obligations" has been confirmed as well as our August 1976 prediction that the Final Act of the European Conference would be accepted by more and more people as a juridical basis for the fight for human rights.

Citing provisions of the Final Act, participants in the human rights movement in the USSR and other East European countries have spoken out energetically, demanding that the agreements signed at Helsinki be observed. In Poland, human rights advocates are championing, with apparent success, the rights of the workers who protested against increased food prices. In the German Democratic Republic, a protest citing provisions of the Final Act has been mounted against the deprivation of citizenship of balladeer and poet Wolf Biermann. In Czechoslovakia, human rights advocates have used the same juridical basis in drafting that exceptionally valuable document, Charter 77. And the number of signatures on Charter 77 continues to grow despite the regime's reprisals. In Romania, eight persons have issued a statement on human rights violations in their country. The distinguished Yugoslav author and public figure Milovan Djilas has spoken out against the violation of civil rights mentioned in the Final Act. Every day witnesses new examples of the importance attached by the public of the East European countries to the obligations assumed by the governments of the states participating in the Helsinki Conference.

In the USSR individuals and groups basing their struggle for civil rights on the Final Act have also stepped up their activity. Soviet citizens are addressing a swelling stream of letters to different Soviet organs, to the Helsinki Watch Group, and to international organizations about the situation of prisoners, about psychiatric persecution,

and about violations involving freedom of conscience, religious liberty, the free exchange of information, and the right to emigrate.

More and more prisoners of conscience are declaring that their sentences constitute a gross violation of the Helsinki agreements as do the brutal, inhuman conditions in penal institutions: punishment by hunger and cold, forced labor, insurmountable obstacles to correspondence, confiscation of complaints and statements, etc. Letters and statements have also been received from political exiles and former prisoners of conscience who are suffering from serious discrimination with respect to their choice of domicile, their freedom of movement, and their choice of jobs.

Participants in the Jewish movement for emigration have significantly expanded their activity. More attempts have been made to secure a revival of Jewish national culture in the USSR. Germans seeking the right to leave for the Federal Republic of Germany form a growing movement.

An increasing number of people are demanding implementation of their right to emigrate for religious, socio-economic or other reasons. The attempt of large groups to emigrate without receiving individual invitations from abroad is a distinctive, new phenomenon. (One example is the recent application made by more than 500 Pentecostals.)

The Helsinki Watch Group has passed on to the court of world opinion and to the states signing the Final Act of the Helsinki Conference a series of documents with facts on many violations of fundamental human rights in the USSR. The events of recent months have demonstrated once again the Soviet government's extreme intolerance toward any information which reveals the true situation with respect to human rights and which is not subject to the control of official Soviet organs.

2. The Regime's Battle Against the Disclosure of Undesirable Information

Since late 1976 the Soviet authorities have engaged in a new offensive against those persons who collect news and inform world public opinion about human rights violations in the USSR.

The USSR Procurator's Office delivered an official warning to Academician Andrei Sakharov, Nobel Peace Laureate. Soon thereafter the organs of state security arrested four members of the

Helsinki Watch Group: Alexander Ginzburg, representative of the Fund to Assist Political Prisoners in the USSR; physicist Yury Orlov, founder and leader of the Moscow Helsinki Watch Group and a corresponding member of the Armenian Academy of Sciences; writer Mikola Rudenko, leader of the Ukrainian Helsinki Watch Group; and teacher Oleksy Tikhy, another member of the Ukrainian Group. Before and after these arrests, searches were conducted at the homes of several Group members, and in some instances, evidence of crimes was planted in their homes and "discovered" during the searches.

The arrests and searches were accompanied by an unpardonable campaign of slander against Soviet human rights activists in *Pravda*, in *Literaturnaya Gazeta*, in *Golos Rodiny*, in TASS bulletins for Western consumption, in special lectures and conversations and in other media.

No doubt, the slander disseminated through the mass media has one aim only - to prepare public opinion inside our country for political trials of human rights advocates in the Soviet Union. They will all be charged, to judge from the propaganda, with slandering the USSR or with non-political crimes such as illegal currency operations or keeping weapons (which KGB agents planted themselves during the searches). The true reason for the arrest of four Helsinki Watch Group members and for the threats against other Soviet human rights advocates -- for example, the warning addressed to Valentin Turchin, chairman of the Amnesty International Soviet group -- is the authorities' desire to intimidate all the civil rights activists inside the country and to cut off the daily increasing stream of information about violations of the Helsinki agreements.

The pressure and repressions directed against the human rights advocates by the authorities will apparently be intensified. But another aspect of the current campaign of repressions should be kept in mind: the Soviet government intends to make evident to the whole world its disdain for the voices raised in the West criticizing its actions, to demonstrate its toughness, and to discourage world public opinion from responding to appeals for support issued in the USSR. Such actions are, however, incompatible with that climate of trust which was, one would think, a goal of the states participating in the Helsinki Conference.

We are convinced that only one course of action can in fact establish confidence in the Soviet government: *putting an end to the syste-*

matic and ruthless suppression of civil liberties and fundamental human rights in the USSR. Nothing else -- neither repressions directed against Helsinki Group members, nor diplomatic evasions, nor the concentrated campaign slandering the dissidents -- can help the Soviet authorities conceal the truth about their violations of the UN Universal Declaration of Human Rights, the International Covenant on Civil and Political Rights, and the Final Act of the European Conference. In the world today, one can never be certain that facts on the unending suppression of elementary liberties in the USSR will not become public.

3. Future Activity of the Helsinki Watch Group

The members of the Moscow Group, in spite of the repressions, will continue to inform world public opinion of all violations of international human rights obligations entered into by the Soviet government. Many events, including the organization of similar groups in the Ukraine, in Lithuania and in Georgia have confirmed the significance of Yury Orlov's initiative in creating the Moscow Helsinki Watch Group. In reply to the authorities' pressure and their arrest of two of the Group's key workers, we announce the election of two new members: physicists Yury Mnyukh and Professor Naum Meiman. Ludmilla Alexeyeva, a Group member who has left the USSR, will act as the Group's representative abroad. The Group will in this fashion continue its work despite the repressions of recent months.

The Group believes that one reason for the repressions directed against its members is the Soviet leadership's fear that people in the USSR and other East European countries who are concerned about fulfillment of the human rights obligations assumed by their governments are linking up on the basis of the Helsinki Conference's Third Basket. The desire to disrupt the developing unity among human rights activists is transparent in the mass media's propaganda on this topic. The support received from several West European Communist parties for the struggle on behalf of human rights has served to sharpen the authorities' fear of the burgeoning human rights movement in the USSR. The Soviet government has taken the risk of losing the trust of their ideological confederates and of their partners in the Helsinki Conference just for the sake of preserving their freedom

of action to persecute Soviet citizens for any attempts to assert cultural or social values unpalatable to the authorities.

With respect to the danger now threatening the arrested members of our Group and the mass media's campaign of slander, the Helsinki Watch Group has asked Ludmilla Alexeyeva, Andrei Amalrik, Vladimir Bukovsky, Valery Chalidze, Lev Kvachevsky, and Leonid Plyushch to explain the true aims and character of our Group's work when they meet with official representatives of the countries signatory to the Final Act, with leaders of Western public opinion and with representatives of political parties.

Serious disagreements between the leaders of the Western and the Eastern countries have now become apparent on the issue of the proper criteria to be used in monitoring the provisions on human rights. (This is evident, for example, from President Carter's letter to Academician Sakharov and Ambassador Dobrynin's statement made in response to that letter.) In the present circumstances, discussion and elaboration of such criteria by representatives of public opinion in countries of the West and of the East are particularly important and could play a major role in the preparation and conduct of the Belgrade Conference.

*The Public Group to Promote Observance of the
Helsinki Accords in the USSR (The Helsinki
Watch Group)*

February 27, 1977

НОВЫЕ АРЕСТЫ ПО ОБВИНЕНИЮ В РЕЛИГИОЗНОЙ ИЛИ ПРОПАГАНДИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. Общие замечания

По имеющимся у нас (всегда неполным) сведениям, количество арестованных по политическим и религиозным статьям за последние три месяца уже превысило количество арестованных в период *одинадцати* месяцев (1.8.75 г. — 1.7.76 г.), следовавших непосредственно за подписанием Заключительного Акта.

Активизацию репрессий в СССР мы объясняем надеждами властей на то, что предвыборная борьба в ФРГ и особенно в США отвлекает внимание западного общества от нарушений человеческих и гражданских прав в СССР.

Произведенные аресты, обыски, допросы, а также психиатрические репрессии (см. документ № 8) являются вопиющим нарушением "свободы личности исповедовать единично или совместно с другими религию или веру, действуя согласно велению собственной совести", как и "других прав и свобод, которые все вытекают из достоинства, присущего человеческой личности" (Заключительный Акт, раздел 1а, пункт VII).

2. Аресты среди баптистов

"Бюллетень Совета родственников узников ЕХБ в СССР" № 35 и № 36 сообщает о новой волне арестов и других репрессий против баптистов. Эта волна безусловно была не столь сильной в первой половине 1976 года. В целом картина хорошо укладывается в ту схему, которая была описана в докладе Группы содействия от 22.7.76 г. ("Оценка влияния Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе...").

Приведем список арестованных и осужденных баптистов, имеющийся на сегодня, заведомо не полный.

1. Барин Екатерина, г. Здолбуново Ровенской области, осуждена на 2,5 года за частное преподавание религии детям (3.8.76 г.).

2. Серебренников Петр, 76 лет, село Ивановка, Азербайджанская ССР, осужден на 5 лет с конфискацией имущества (21.7.76 г.).

3. Серебренников Иван, там же, арестован 20.7.76 г.

4. Леонтьева Мария, 64 года, там же, арестована 21.7.76 г.

5. Ермолова Анастасия, там же, арестована 20.7.76 г. *Эта женщина – мать семерых детей.*

6. Штефен Иван, пресвитер из г. Исык Казахской ССР, арестован 13.7.76 г.

3. Дело № 62

Как уже сообщалось, в сентябре 1976 г. произведен ряд обысков в Ленинграде и Москве, арестованы два художника – Олег Волков и Юлий Рыбаков, – обвиняемые в написании лозунгов на стенах города Ленинграда. В частности, лозунги в защиту Андрея Твердохлебова (в дни суда над ним), лозунги с требованием освобождения политзаключенных Советского Союза. К уголовной ответственности по этому делу привлекаются также Юлия Вознесенская (Окулова) и Наталья Лесниченко (Гум).

Мы обращаем внимание на то, что через 60 лет после прихода к власти коммунистической партии и через 40 лет после опубликования нынешней Конституции граждане СССР не имеют нормальной возможности осуществления своих "прав и свобод, которые все вытекают из достоинства, присущего человеческой личности" (Заключительный Акт, 1а, VII).

Свобода слова, печати, собраний, митингов, шествий и демонстраций формально обеспечивается ст. 125 Конституции СССР, которая требует даже, чтобы государство предоставляло для этого "типографии, запасы бумаги, общественные здания, улицы, средства связи" и др.

Вместо этого государство в течение уже 60-ти лет предоставляет тем, кто понимает эти свободы не по-государственному, нечто совсем другое.

4. Судебный процесс над Павлом Башкировым

7-8 октября 1976 г. прошел судебный процесс над П. Башкировым (Якутск), который обвиняется, в частности, в том, что он вез своему другу Андрею Твердохлебову в ссылку литературу, не прошедшую цензуру ("антисоветская литература").

Мы обращаем внимание на то, что Башкиров был даже лишен права выбора защитника. Он осужден на полтора года лишения свободы.

5

В Казахстане в июле 1976 года арестована немка Лиля Фурман — за отказ от советского подданства и активные действия, выражающиеся в разговорах, письменных заявлениях, ходатайствах и т. п., связанные с движением советских немцев за выезд из СССР.

6

6-го октября 1976 г. в Тарту арестован бывший политзаключенный Март Никлус, отбывший срок заключения с 1957 г. по 1967 г. по обвинению в "антисоветской агитации и пропаганде". Никлус — ученый-орнитолог — после освобождения не имел возможности работать по специальности.

Таким образом, с учетом той информации, которая давалась нами ранее, общее количество арестованных по политическим, религиозным или национальным мотивам после 1-го августа 1975 г. составляет к сегодняшнему дню *не менее* 17 человек (из них 13 за последние 3,5 месяца) плюс 6 человек, помещенных в специальные или обычные психиатрические больницы.

12 октября 1976 г.

Члены Группы: *Людмила Алексеева, Александр Гинзбург, Мальва Ланда, Юрий Орлов, Ал. Корчак, Ан. Щаранский, В. Слепак.*

ДОПОЛНЕНИЕ к документу № 7

В начале августа 1976 года в Риге в Верховном суде Латвийской ССР осуждены по обвинению в "клеветнических из-

мышлениях, порочащих советский государственный и общественный строй”, четверо рабочих Рижского порта, арестованные в мае после ”забастовки рыбного дня” в Рижском порту. (Весной в нашей стране в связи с недостатком мяса были введены ”рыбные дни” на предприятиях общественного питания – в столовых, ресторанах и т. п. – от 1 до 6 дней в неделю мясо исключалось из меню, что, естественно, вызвало недовольство.)

К 3-летнему заключению приговорены:

Фролов Сергей Иванович, 1946 г. р., отец двух детей – пяти и трех лет, адрес семьи: Рижский р-н, п/о Царникава, ул. Лию, 23;

Варна Янис Кристапович, 1949 г. р., дети двух и четырех лет живут по адресу: Саулкрасты, пр. Межа, 8.

К 2-м годам заключения приговорены:

Ларченков Михаил Степанович, 1939 г. р., его 13-летний ребенок живет в Риге, ул. Эльвирас, 16, кв. 2;

Гольдберг Андрес Петрович, 1936 г. р., отец троих детей – 15, 12 и 8 лет, г. Цесис, ул. Ригас, 18, кв. 3 – приговорен к 1,5 годам заключения.

Сейчас все они содержатся вместе с уголовниками в лагерях общего режима в Латвии.

Публикуя подробные данные, мы надеемся, что судьба этих четырех рабочих привлечет к себе внимание не только правительств, подписавших Хельсинкские соглашения, но и общественности этих стран, в частности профсоюзов Европы, США и Канады.

Члены Группы: *Людмила Алексеева, Александр Гинзбург, Мальва Ланда, Юрий Орлов.*

О ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯХ ПСИХИАТРИЕЙ

Недавно Группа содействия обратилась к Верховному Совету СССР и к конгрессу США с предложением о создании смешанной комиссии для выявления случаев злоупотребления психиатрией. В данном документе Группа сообщает об известных ей фактах психиатрических репрессий, имеющих место в последнее время.

Петр Старчик, композитор и исполнитель песен, 15 сентября 1976 г. с помощью милиции помещен в психиатрическую больницу г. Москвы, откуда через несколько дней переведен в психиатрическую больницу на станции Столбовая, более 50 км от Москвы. Посещать Старчика разрешено *только* жене. События, связанные с госпитализацией Петра Старчика, уже освещались в мировой печати. Недавно стало известно, что Старчику уже вводится галоперидол в значительных дозах.

О том, что госпитализация Старчика – политическая репрессия, свидетельствует, кроме приведенных ранее фактов, запись в журнале приема Петра Старчика:

”С.О. (социально опасен). Стационарировался в ПБ (психиатрическая больница) в Казани на принудительное лечение по ст. 70. Выписан из П.Б. № 15 в 1975 году. В последнее время сочиняет песни антисоветского содержания, собирает у себя на квартире 40-50 человек. При осмотре ориентирован. Грубых нарушений сознания нет. Контакт формальный. Подозрителен. На вопросы отвечает односложно. Не отрицает сочинения песен, ”у меня свое мировоззрение”. Без критики”.

П. Старчик проживает с женой и двумя малолетними детьми по адресу: Москва, Теплый Стан, корпус 98, квартира 111.

Эдуард Федотов, был церковнослужителем в Пскове. Приехал в Москву, когда узнал о преследовании православных (в частности, А. Аргентова, который был насильно госпитализирован в психиатрическую больницу г. Москвы № 14; выпущен из больницы в августе 76 г.). В Москве Федотов был взят милицией и направлен в психиатрическую больницу г. Москвы № 14. Находится там в настоящее время.

Известны случаи помещения в психиатрические больницы лиц, обращающихся с жалобами в советские инстанции.

Гайдар Надежда Ивановна 7-го мая 1976 г. пришла с жалобой в Прокуратуру СССР, непосредственно оттуда с помощью милиции водворена в психиатрическую больницу.

Гайдар была 6 мая на приеме у зав. приемной ЦК КПСС Филатова В.И., тот направил ее к зав. приемной Прокуратуры СССР Цибульникову. Явившаяся повторно в назначенное Цибульниковым время Гайдар была схвачена милиционерами, привезена в 108 отделение милиции г. Москвы, затем отвезена в психиатрическую больницу № 13, где ей сразу начали делать уколы аминазина. Заведующая 2-м отделением больницы № 13, где содержали Гайдар, Федорова Л.И. заявила по поводу госпитализации Н. Гайдар:

”Никакого диагноза мы ей ставить не будем, записали, что у нее нервное истощение на почве поисков справедливости. Чтобы не жаловалась больше, немного подержим здесь, потом — через спецприемник — в Киев. Там тоже немного подержат”.

В ответ на слова пришедшего осведомиться о Н. Гайдар ее знакомого Б.А. Квебанова о том, что двое детей остались без матери и без присмотра, врач Федорова сказала: ”Зато следующий раз подумает, прежде чем идти жаловаться”.

Из Москвы Н. Гайдар была переведена в психиатрическую больницу г. Киева, откуда освобождена через два месяца.

Адрес Н.И. Гайдар: Киев 125, бульвар Перова, дом 20, кв. 115.

Страхова Алиса Захаровна, явившаяся в конце ноября 1975 г. в Прокуратуру СССР, по указанию зав. приемной Прокуратуры была схвачена и отправлена в милицию, где ей предложили

в 24 часа покинуть Москву. По возвращении Страховой на место жительства была сделана попытка поместить ее в психиатрическую больницу.

Страхова обращалась в Прокуратуру по поводу необоснованного увольнения.

Ее адрес: г. Кировск Ворошиловградской области, ул. Советская, д. 68.

Эдуард Маслов в конце октября 1975 г. был приглашен в Ожерельевский райком партии в связи с его жалобами о необоснованном увольнении. (Маслов — инженер, преподаватель техникума — был уволен после того, как вскрыл злоупотребления в техникуме, где он работал.) В райкоме он был схвачен и помещен в психиатрическую больницу, в которой его продержали 20 дней с диагнозом: истощение нервной системы от переживаний в связи с увольнением.

Э. Маслов проживал с семьей в г. Ожерелье Московской области, ул. Студенческая, дом № 5. В настоящее время он уехал в Казахстан в поисках работы.

Имеются статистические данные:

Примерно 12 человек в день милиция направляет дежурным психиатрам только из приемной Верховного Совета СССР; кроме того, еще 2-3 человека из тех, кто пытался пройти в посольство; кроме того, неопределенное число из других мест присутствия, а также — прямо с улицы. Из них примерно половина — госпитализуется.

Добавим, что около 7% населения страны состоит на психиатрическом учете. Все они время от времени нуждаются в госпитализации. Однако только 10% этих людей обеспечивается госпитализацией.

12 октября 1976 г.

Члены Группы: Людмила Алексеева, Александр Гинзбург, Мальва Ланда, Юрий Орлов, Ал. Корчак, Ан. Щаранский, В. Слепак.

В предыдущих документах Группы мы неоднократно сообщали о различного рода нарушениях властями своих обязательств в вопросах воссоединения семей и свободы эмиграции. Такие нарушения (как, впрочем, и многие другие) носят гораздо более откровенный и грубый характер в малоизвестных или совсем неизвестных населенных пунктах. В частности, это можно видеть на примере села Ильинки Казанского сельсовета Таловского района Воронежской области.

Лишь случайно нам стало известно о существовании этого еврейского села в самом центре сельской России. На протяжении веков его жителям удавалось каким-то чудом сохранять еврейский уклад жизни и религию.

В июне 1976 г. трое москвичей: Владимир Слепак, Анатолий Шаранский (члены Группы) и Саня Липавский попытались посетить это село и побеседовать с его жителями. Однако оказалось, что попасть туда совсем не просто. Москвичи были задержаны в 3 км от села и после 2-х дней бесед с руководителями колхоза, сельсовета и районной милиции и обыска были высланы из района. Председатель сельсовета В. Лебедев заявил им, что "в селе очень напряженная и нездоровая обстановка, и сельсовет не позволит никому вмешиваться в дела села". О какой же напряженности говорил В. Лебедев?

В 1974 году нескольким семьям из Ильинки удалось уехать в Израиль. Однако затем местные власти заявили, что не будут впредь позволять выпускать никого из жителей Ильинки в Израиль, так как не считают их евреями. С тех пор около 90 семей ожидают вызовы, без которых нельзя возбудить ходатайство о выезде из СССР. Все эти вызовы, посланные из Израиля, находятся ... в столе у председателя колхоза Виктора Тарасова, который время от времени демонстрирует их колхозникам и говорит: "И не надейтесь их получить, вам в Израиле делать нечего!"

Все же некоторым семьям удалось получить вызовы через родственников, проживающих в других местах СССР (иногда за 1 000 км!). Однако и это не легко, ведь Ильинка буквально изолирована властями от внешнего мира. Например, вот как попали вызовы семье 82-летнего Григория Ефимовича Варнавского, около 2-х лет пытающегося уехать к своей сестре в Израиль, и еще четырем семьям крестьян. Зять Варнавского, проживающий в г. Тольятти, сумел получить эти вызовы по почте на свое имя и повез в Ильинку. Его задержала милиция, но ему удалось сбежать. К тому времени, когда его через час поймали и обыскали, он уже успел передать вызовы кому-то из села, а те — адресатам.

Но и в том случае, когда вызов на руках, подать документы часто невозможно, т. к. председатель колхоза попросту не выдает требуемых ОВИРОм справок (положение колхозников в этом отношении особо уязвимо — ведь у них нет паспортов, и они не могут сами переехать в другое место или выйти из колхоза). Из-за этого в течение длительного времени не может подать документы на выезд в Израиль к своей матери Дебора Яковлевна Матвеева с мужем и 7 детьми.

На примере судьбы евреев Ильинки мы еще раз сталкиваемся с грубым нарушением советскими властями таких принципов Заключительного Акта совещания в Хельсинки, как воссоединение семей, свобода коммуникаций и контактов, уважение к правам национальных меньшинств.

12 октября 1976 г.

Людмила Алексеева, Александр Гинзбург, Мальва Ланда, Юрий Орлов, Александр Корчак, Анатолий Щаранский, Владимир Слепак.

О ГРУБЫХ НАРУШЕНИЯХ ПРАВА НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ НА РАВЕНСТВО ПЕРЕД ЗАКОНОМ

Преследование крымских татар за попытки поселиться в Крыму

(Документ составили члены Группы содействия Александр Лавут и член Инициативной группы по защите прав человека в СССР Татьяна Великанова и Татьяна Ходорович).

Отношение советских властей к проблеме крымских татар находится в вопиющем противоречии с недвусмысленными обязательствами, подписанными в Хельсинки:

”Государства-участники, на чьей территории имеются национальные меньшинства, будут уважать право лиц, принадлежащих к таким меньшинствам, на равенство перед законом, будут предоставлять им полную возможность фактического пользования правами человека и основными свободами и будут таким образом защищать их законные интересы в этой области” (пункт VII раздела 1а).

Фактическая политика в отношении крымско-татарского народа направлена на постепенную ликвидацию его как исторически сложившейся национальной культуры и ассимиляцию.

Основная масса крымских татар, насильственно и несправедливо выселенных со своей земли в 1944 г., проживает в Средней Азии. Они фактически вычеркнуты из списка советских наций. У них нет ни одной школы на родном языке, хотя до выселения в Крымской Автономной ССР их было несколько сот. Нет ни одного журнала. В 1944 г. был ликвидирован институт, занимавшийся исследованиями в области крымско-татарского языка и литературы. Власти отказываются издавать даже словари. С 1944 по 1973 гг. были изданы два учебника на крымско-татарском языке (против 58, изданных, например, за 9 меся-

цев 1939 г.). Из семи газет, издававшихся до войны, сохранилась лишь одна (не ежедневная).

Очевидно, власти рассчитывают на ассимиляцию крымских татар населением среднеазиатских республик. Но поскольку политика ассимиляции встречает сопротивление крымских татар, то она является нарушением "прав человека и основных свобод, уважение которых является существенным фактором мира, справедливости и благополучия..." (пункт VII раздела 1а).

Крымские татары предпринимают мирные и основанные на законе усилия по сохранению своей нации и культуры. Только за это и именно за это они подвергаются преследованиям со стороны властей. Наиболее жестокие преследования обрушились на тех, кто пытается вернуться на свою историческую родину — в степную часть Крыма, к сельскохозяйственным работам в привычных условиях. Купленные крымско-татарскими крестьянами дома власти разрушают бульдозерами, кормильцев семьи не принимают на работу, даже многодетные семьи выгоняют из домов, оставляя без крова; высылают, а наиболее упорных "возвращенцев" арестовывают и осуждают на ссылку или лишение свободы. Это значит, что крымские татары, подобно некоторым другим национальным и религиозным меньшинствам и инакомыслящим, поставлены в особые условия по отношению к советским законам. Ведь режим прописки на территории Крыма не запрещает переселение по национальному признаку, т. е. нет формального запрета на поселение в Крыму крымским татарам, полностью реабилитированным в 1967 г. Но фактически они поставлены здесь вне закона. В степном Крыму, где постоянно ощущается нехватка рабочих рук и куда местные власти вынуждены приглашать переселенцев из России и Украины, крымские татары встречаются с чрезвычайными препятствиями при нотариальном оформлении покупки дома, в прописке и устройстве на работу.

За 9 лет после издания Указа о реабилитации лишь 5 тысяч крымских татар (менее 1% народа) смогли узаконить свое проживание в Крыму. Большинство из них пережили длительный период всяческих преследований и дискриминации. В настоящее время около 2 тысяч крымских татар, в том числе многодетные семьи, живут в Крыму под постоянной угрозой выселения и су-

дов "за нарушение паспортных правил", т. е. за отсутствие прописки, в которой власти им незаконно отказывают.

Недавние акты преследования крымских татар, пытающихся поселиться в Крыму

В течение лета и осени 1976 г. из Крыма постоянно поступают сообщения о незаконных препятствиях, чинимых властями возвращению крымских татар из мест бывшей ссылки. Перечисляем известные нам факты (в скобках проставлены номера соответствующих документов, направленных в разные инстанции крымскими татарами).

Выселения

1. В ночь на 12 мая милиция и дружинники пытались выселить из дома семью Шавер Чакаловой, имеющую четырех детей. При этом были избиты члены семьи, пришедшие на помощь выселяемым. Операция по выселению сорвалась из-за вмешательства соседей. Осенью Чакаловой предъявили обвинение в нарушении паспортных правил.

Суд над Чакаловой назначен на 10 ноября. Ей грозит по меньшей мере насильственное выселение всей семьи (1, 3).

2. 13 мая была вывезена из своего дома в с. Горлинка Белогорского района Крымской области в степь семья Р. Юнусовой и М. Сетвелиева с больным ребенком. Дом Сетвелиевых разрушен. По сведениям конца октября, семья живет в палатке. В июле Сетвелиевы пытались восстановить дом, но он был снова разрушен (1, 7).

3. 18 июня вывезена из дома в степь семья ветерана войны, участника обороны Севастополя В. Файзуллаева (2, 9).

4. 18 июня из с. Подгорное вывезена в степь семья Дервиша Асанова. Эта акция сопровождалась побоями членов семьи и ограблением (...).

5. 19 июля в с. Воинка был введен отряд милиции, выселивший семью М. Акмоллаева. Несколько крымских татар-соседей были арестованы на 15 суток за попытку помощи выселяемой семье (2, 3, 7).

6. 9 августа ночью была выселена семья М. Абилева (с. Бога-

тое) и Э. Аметова (с. Курское). При выселении жестоко обращались с детьми, поломали вещи, украли деньги (3).

7. 25 августа из с. Золотое Поле выселен Я. Кенжаметов с женой и ребенком. Дом снесен трактором (3).

8. 4 мая вывезен из своего дома Р. Зенабаддинов (1).

9. 11 мая уничтожен дом, купленный Э. Аметовым в с. Мелехове (1).

10. 13 мая дружинники выселили семью С. Мемета, состоящую из пяти человек. Семья была вынуждена провести ночь на улице. Маленькая дочь Мемета простудилась, и утром ее пришлось положить в больницу (1).

Зачастую попытки насильственного выселения терпят неудачу благодаря протестам соседей – не только крымских татар, но и русских, и украинцев.

Аресты и суды

По заведомо неполным данным, летом 1976 г. были осуждены десять человек по статье "нарушение паспортных правил" (не считая выселенных).

1. 9 июня Ленур Бекиров – два года принудительных работ по направлению МВД (так называемая химия). Его жена Гульнара Бекирова и дочь Шефика Бекирова – два года условно.

2. 13 мая Муса Мамут – 2 года лагерей общего режима. Его жена З. Абдуллаева – 2 года условно. У них трое детей. В приговоре Мамута прямо указано, что он осужден за то, что приехал в Крым и купил там дом.

3. 9 июня Энвер Решитов, отец четырехмесячного ребенка, – полтора года лишения свободы.

4. 1 сентября – Шевкет Арнаутов – два года лагерей строгого режима.

5. 25 августа – Абибулла Халилов – года условно.

6. 2 сентября – Ридван Усеинов – 2 года принудительных работ по направлению МВД. По тому же делу Р. Шабанов и А. Ягъев получили два года высылки.

7. 17 октября Э. Аметов – 2 года высылки. До осуждения Энвер Аметов имел предупреждение от КГБ за разговор с иностранным корреспондентом, что также является грубым нарушением Хельсинкской декларации.

Активист крымско-татарского движения Мурат Военный в октябре был приговорен к двум годам высылки.

10 ноября 1976 г.

Александр Лавут, Татьяна Великанова, Татьяна Ходорович, Юрий Орлов, Людмила Алексеева, Мальва Ланда.

О ПРАВЕ НА ЭМИГРАЦИЮ ПО РЕЛИГИОЗНЫМ МОТИВАМ

Мы передаем общественности и главам правительств 35 стран, подписавшим Заключительный Акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, сборник документов "Выходи из нее, народ Мой" о положении христиан-пятидесятников, приведшем их к решению покинуть страну.

Сборник состоит из заявлений, жалоб, открытых писем, судебных решений, автобиографий и т.п., касающихся судебных многих сотен людей. Большинство документов сборника относится к самому последнему времени (лето – осень 1976 года), но почти все приводимые в них факты преследований пятидесятников, которые трудно назвать иначе как *преступлениями против человечности*, произошли до 1 августа 1975 года – даты подписания Хельсинкских соглашений. Эти факты дают убедительную картину того, почему эти терпеливые верующие люди приняли решение покинуть страну – даже если сегодня уровень репрессий ниже уровня 60-х годов.

Сборник преследует одну основную цель, соответствующую пункту 7 раздела 1 Заключительного Акта совещания в Хельсинки и Всеобщей декларации прав человека, ст. 13 и 14, где, в частности, сказано, что "каждый человек имеет право покинуть любую страну, включая свою собственную...", "каждый человек имеет право искать убежища от преследования в других странах и пользоваться этим убежищем" – способствовать эмиграции *по религиозным мотивам людей, желающих эмигрировать*. В сборник не включены имеющиеся в распоряжении Группы документы о преследованиях, в том числе и судебных, других пятидесятников – не выражающих в настоящее время желания уехать из страны.

Судьба пресвитера общины пятидесятников г. Малоярославца Федотова, в данное время отбывающего трехлетний срок за-

ключения в лагере, многочисленные сообщения о штрафах за участие в молитвенных собраниях (например, М.В. Чинаров из Малоярославца, 1890 года рождения, получающий пенсию 45 руб. в месяц, оштрафован в октябре 1975 года на 50 рублей. Семья Пыжовых в Обнинске — на 200 рублей в ноябре 1975 года и т.п.), свидетельствуют о том, что и после подписания Заключительного Акта советское правительство игнорирует обязательство "признавать и уважать свободу личности исповедовать единолично или совместно с другими религию или веру, действуя согласно велению собственной совести".

О том же свидетельствует и дискриминационное в отношении верующих, поныне действующее и ни на йоту не изменившееся после 1 августа 1975 года, советское законодательство о религиозных культах, о браке и семье, о народном образовании, о всеобщей воинской повинности, о частных промыслах, статьи 142 и 227 Уголовного кодекса РСФСР (и соответствующие статьи УК союзных республик). Этот постоянно висящий над верующими дамоклов меч узаконенного преследования лишает их надежды на благополучное будущее в этой стране и приводит к решению эмигрировать.

Движение пятидесятников за выезд из страны выделяется из аналогичных ситуаций своей массовостью — о желании уехать заявляют не отдельные люди или семьи, а целые религиозные общины, создающие специальные инициативные органы своего движения — *Советы эмиграции*.

Группа обращает внимание правительств, которые пожелают самостоятельно разобраться в приводимых в сборнике фактах, на помещенные в конце сборника доверенности, выданные общиной г. Находка нескольким своим членам, которые уже выехали из страны по вызовам, присланным родственниками из Израиля (Е. Бресенден и Н. Плотников) и Канады (Б. Богрин). Эти свидетели могут быть вызваны любым из заинтересованных правительств.

В сборнике поднята еще одна существенная для этой категории желающих эмигрировать проблема — деньги на осуществление права на выезд. Ведь речь идет о многодетных (пять-семь и более детей — таково большинство семей, представленных в сборнике) и малообеспеченных именно в связи с преследованиями за религиозные убеждения людях, которые к тому же

добровольно берут на себя заботу о самых нуждающихся: о семьях узников, о стариках (что также запрещено советским законодательством о религиозных культах). Нужно или помочь им, или побудить правительство СССР к отмене денежных сборов за отказ от гражданства и визу с тех, кому это не под силу. Такая возможность законодательством предусмотрена, но на практике применяется крайне редко — в тех случаях, когда в этом заинтересовано государство.

Группа содействия напоминает, что религиозные диссиденты, бежавшие от государственных преследований, внесли немалый вклад в развитие таких государств-участников совещания в Хельсинки, как США и Канада.

2 декабря 1976 года

*Л. Алексеева, Е. Боннэр, А. Гинзбург,
М. Ланда, Ю. Орлов, А. Щаранский,
В. Слепак.*

ОБ УКРАИНСКИХ БЕЖЕНЦАХ

В 1976 году 26 советских политических заключенных заявили об отказе от советского гражданства, среди них 19 украинцев.

В Группу содействия сообщили о своем намерении покинуть Советский Союз 19 политзаключенных-украинцев и члены их семей. Разумеется, этот список не исчерпывает желающих эмигрировать с Украины бывших и нынешних узников совести, а также людей из близкого окружения.

Украинцы составляли и составляют весьма существенную часть контингента узников совести, непропорционально большую по сравнению с долей этого народа в населении СССР. Так, в самом страшном политлагере — Мордовском лагере № 1 особого режима — из 20 находящихся там сейчас политзаключенных 13 украинцев. В женском политическом лагере украинки составляют 25%. Атмосфера, в которой живут семьи украинских узников совести и в которую попадают они сами по отбытии наказания, может сравниться с обстановкой 30-х годов. Они находятся под неусыпным контролем КГБ и местных властей. На каждом шагу их повседневной жизни им чинят всевозможные препятствия, причем дискриминация распространяется не только на жен и детей, но даже на довольно отдаленных родственников, а также на друзей. Поэтому к ним не решаются ходить в гости, им боятся помочь в устройстве их дел, их притесняют по месту работы. Их письма просматриваются, их разговоры подслушиваются. Получение посылки из-за границы или денежного перевода из Москвы может оказаться достаточным поводом для вызова в органы КГБ, где "беседой" могут довести до сердечного приступа, как было летом этого года с братом жены политзаключенного Ивана Геля. А если беседы не помогают, не исключено, что в окно полетят камни (так случилось с Раисой Мороз и с матерью находящегося во Владимирской тюрьме Леся Сергиенко).

Украинские политзаключенные — вышедшие на свободу и еще не вышедшие — понимают, что если они не изменятся в желательном для властей направлении, то семьи их обречены на вечное пребывание в изгоях, а сами они в скором времени вновь окажутся на долгое время за колючей проволокой.

(Многие нынешние политзаключенные-украинцы отбывают второй, а то и третий срок. Святослав Караванский получил по трем приговорам в общей сложности 30 лет, Николай Курчик — 33 года, Трофим Шинкарук — 35 лет, священник Василий Романюк 20 лет, Иван Гель — 16 лет плюс 5 лет ссылки, Данило Шумук — 25 лет, Валентин Мороз — 13 лет плюс 5 лет ссылки и т.д.) Именно поэтому они решили покинуть родину.

Естественное направление потока украинских беженцев — Соединенные Штаты и Канада, где живет много их соотечественников и где почти все желающие покинуть Украину имеют родственников. Однако за последние годы известны лишь 4 украинские семьи, получившие разрешение переселиться к родственникам в США. Возможность выезда в Канаду тоже практически отсутствует.

Прилагаем список семей украинских политзаключенных, сообщивших в Группу о своем желании уехать за пределы Советского Союза. Просим помочь им получить у советских властей разрешение на выезд. Если окажется легче получение разрешения на выезд к родственникам, просим, учитывая трагичность положения украинских политзаключенных и их семей, помочь им разыскать в США и Канаде их родственников и передать им просьбу прислать вызовы.

2 декабря 1976 года

Людмила Алексеева, Александр Гинзбург, Мальва Ланда, Юрий Орлов, Елена Боннэр, Петр Григоренко, Анатолий Щаранский

С п и с о к
известных Группе политзаключенных,
отказавшихся от советского гражданства

Уральский лагерь № 35

1. Ассельбаумс Т.И.	11. Калынец Игорь
2. Грабанс Иварс	12. Горбаль Мыкола
3. Шахвердян Баграт	13. Демидов Димитрий
4. Зограбян Размик	14. Мотрюк Николай
5. Кивило Харальд	15. Шовковый Василий
6. Вальдман Иоганн	16. Пронюк Евгений
7. Глузман Семен	17. Сорока Степан
8. Огурцов Игорь	18. Верхоляк Дмитрий
9. Пидгородецкий Василий	19. Мамчур Степан
10. Басараб Дмитрий	20. Савчин Алексей

21. Верник Иван (Уральский лагерь № 36)
22. Шумук Данило (Мордовский лагерь № 1)
23. Мороз Валентин (Мордовский лагерь № 1)
24. Шинкарук Трофим (Мордовский лагерь № 1)
25. Черновол Вячеслав (Мордовский лагерь № 3)

С п и с о к
украинских семей, сообщивших в Группу содействия
выполнению Хельсинкских соглашений в СССР
о своем желании выехать в Соединенные Штаты
или Канаду

Гель Иван Андреевич, 1937 года рождения, находится в Мордовском политическом лагере № 1 особого режима; его жена Гель Мария Иосифовна, 1936 г.р., Львов 4, ул. Гастелло 7, кв. 17; его дочь Гель Оксана Ивановна, 1964 г.р., адрес тот же.

Светличная Надия Алексеевна, 1936 г.р.; ее сын Ярема Иванович Светличный, 1970 г.р. Их адрес: Киев, Уманская ул., д. 35 кв. 20.

Черновол Вячеслав Максимович, 1938 г.р., политзаключенный. Адрес родителей: Черкасская обл., Звенигородский р-н, с. Вильховец, Валентине Черновол.

Гурный Роман Андреевич, 1936 г.р., Львовская область, Бусский р-н, с. Куткир.

Кандыба Иван Алексеевич, 1930 г.р., Львовская обл., пос. Пустомыты, ул. Шевченко, 176.

Горынь Богдан Николаевич, 1936 г.р., Львов, ул. О. Кульчицкой, 15, кв. 94; его жена Горынь Оксана Ивановна, 1939 г.р., да рождения, адрес тот же.

Светличный Иван Алексеевич, 1929 г.р., политзаключенный; его жена Светличная Леонида Павловна, 1924 г.р., Киев, Уманская ул., 35, кв. 20.

Романюк Василий Омелянович, 1925 г.р., политзаключенный лагеря особого режима № 1; его жена Антонюк Мария Марковна, 1924 г.р., Ивано-Франковская обл., Косов, пер. Кобылянской, 3; его сын Романюк Тарас Васильевич, 1959 г.р., да рождения, адрес тот же.

Шабатура Стефания Михайловна, 1938 г.р., политзаключенная; ее мать Шабатура Анна Михайловна, Львов, ул. Кутузова, 116, кв. 2.

Калынец Игорь Миронович, 1939 г.р., политзаключенный; его жена Стасив-Калынец Ирина Онуфриевна, 1940 г.р., политзаключенная; их дочь Калынец Звенислава Игоревна, 1963 г.р., Львов, ул. Кутузова, 117, кв. 12.

Караванский Святослав Иосифович, 1920 г.р., политзаключенный; его жена Строкатова Нина Антоновна, 1926 г.р., Таруса, Калужской обл., ул. Луначарского, 39.

Сергиенко Александр Тихонович, 1933 г.р., политзаключенный; его мать Мешко Оксана Яковлевна, 1905 г.р., Киев, Вербоозна ул., д. 16.

Шумук Данило Лаврентьевич, 1914 г.р., политзаключенный; Мордовская АССР, ст. Потьма, п/о Сосновка, учр. ЖХ-385/1.

Мороз Валентин Яковлевич, ... г.р., политзаключенный; его жена Мороз Раиса Васильевна, Ивано-Франковская обл., Набережная, д. 14, кв.1; его сын Мороз Валентин Валентинович, ... г.р., адрес тот же.

Барладяну Василий Владимирович, 1942 г.р., Одесса, ул. Салтыкова-Щедрина, д. 10, кв. 1; его жена Барладяну Валенти-

на Сергеевна, 1948 г.р., адрес тот же; его дочь Барладяну Валерия Васильевна, 1971 г.р., адрес тот же.

Тымчук Леонид Николаевич, 1935 г.р., Одесса, Индустриальная ул., д. 44, кв. 5.

Смогигель Вадим Владимирович, 1939 г.р., Киев, ул. Франко, д. 26, кв. 12.

**ТРЕБОВАНИЯ ЭМИГРАЦИИ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ И
ПОЛИТИЧЕСКИМ ПРИЧИНАМ СО СТОРОНЫ РАБОЧИХ
(Л.М. Серый, В.А. Иванов, И.М. Сивак, В.М. Павлов)**

В настоящей подборке объединены дела четырех семей, желающих эмигрировать из СССР и обратившихся за помощью в Группу содействия. Эти люди живут в разных местах, а объединяет их то, что все они – рабочие, представители того класса, который согласно официальной советской идеологии является в СССР "правящим". Кроме того, они не принадлежат к национальным меньшинствам; причины, побуждающие их требовать разрешения на выезд из страны, – экономического и политического характера.

С этой подборкой документов мы обращаемся не только к правительствам стран, подписавшим Хельсинкское соглашение, но также к профессиональным союзам рабочих и к социалистическим и коммунистическим партиям в странах Запада.

2 декабря 1976 г.

*Людмила Алексеева, Александр Гинзбург, Мальва Ланда,
Юрий Орлов, Анатолий Шаранский.*

1. *Леонид Михайлович Серый*, украинец, 1936 года рождения, живет с женой и шестью детьми в Одессе, по ул. Фрунзе, 199, кв. 128. В своем обращении к правительствам западных стран и международным гуманитарным организациям Л. Серый подробно описывает материальное положение своей семьи, приводит много цифр. Полный текст обращения приведен в приложении 1. Леонид Серый, в частности, пишет:

"... Я работаю токарем на судоремонтных мастерских Ильичевского морского рыбного порта... Жена не работает, потому

что дети маленькие... После всех покупок и распределений у нас остается на питание 15-20 руб. на человека в месяц. И нам постоянно приходится голодать, а слабые к тому же и болеют. Мы постоянно голодаем, особенно во второй половине месяца... Врачи говорят, что наши организмы крайне ослаблены, истощены. Поэтому простуживаемся. Нехватка витаминов и жиров у нас и поэтому низкий гемоглобин и потеря сознания, и поздний рахит у детей. Это все — результат плохого питания. А будут, говорят, хорошо питаться, и все будут здоровы... Но несмотря на все тяготы и лишения, я все же стараюсь работать лучше, авось мне удастся умиловить свое начальство, и оно даст мне заработать так, чтобы я смог прокормить свою немаленькую семью. Норму я выполняю на 140-150%, больше чем на 140% работать не дают. Не пью, не курю, прогулов не делаю...

Что значит бумажная, мучительная, унижительная и бесполезная переписка, можно понять, только живя в Советском Союзе. Здесь рекламируют внимание к письмам трудящихся, а на самом деле у трудящихся ни о чем не спрашивают, даже не обращают внимания на жалобы, протесты, требования. А если сильно упрямый попадет клиент, то ему могут сказать: "У вас нездоровые мысли, и мы можем вас подлечить". Так говорили в Москве, в ЦК КПСС. А в Киеве у здания ЦК подогнали спец. машину, чтобы увезти мою жену, приехавшую с жалобой. Но благодаря посторонним людям, рабочим-штукатурам, которые ремонтировали здание напротив, ее не смогли взять, а дети в это время кинулись врассыпную... Видя все это и ощущая на себе, мы уверились в том, что у нас человек труда не имеет права на протесты; профсоюзы наши также не имеют прав и не пытаются их иметь. На все письма наши — одни запугивания и насмешки...

Помогите нам, не дайте умереть от недоедания постоянного... А нашим руководителям пускай будет стыдно, что их рабочий не в состоянии прокормить свою семью, а кормить народ обещаниями и лозунгами стыдно. Помогите, пожалуйста, нам уехать. Хотелось бы в Америку или Канаду. В Канаде тоже есть украинцы, и нам легче было бы с языком. Мы тоже украинцы. Будем ждать, если не помрем! Надемся!"

Прося оказать содействие Леониду Серому в его попытке

эмигрировать, мы также обращаемся к профессиональным и благотворительным организациям с просьбой оказать семье Серого материальную помощь. В СССР нет возможности создания благотворительных обществ, а люди, которые занимаются этим полулегально, рискуют попасть под суд. Что касается профсоюзов, то в письме Л. Серого о них сказано достаточно ясно.

2. *Валентин Анатольевич Иванов*, русский, 1930 года рождения, рабочий-электрик; проживает по адресу: Калужская обл., Боровский р-н, пос. Ермолино, ул. Островского, 75.

В заявлении, направленном в Президиум Верховного Совета СССР 3 августа 1976 г., он пишет:

"На основании Закона о гражданстве СССР, а также статьи 14 Всеобщей декларации прав человека и Заключительного Акта Хельсинкского совещания я прошу разрешить мне выезд из СССР.

Я русский рабочий 46 лет. Тридцать лет работаю на производстве, из них 22 года на электромонтажах. В архивах КГБ хранятся три папки документов, которые утверждают, что я знающий электрик, добросовестно отношусь к работе, практически не пью спиртного и не курю.

Перечислю некоторые из причин, побудивших меня в 1959 году пойти на риск нелегального перехода границы, в 1964 и 1966 гг. просить выезда из страны и ныне вновь обратиться в Президиум с этой просьбой.

1. Низкий уровень заработной платы. Я могу сказать с полной ответственностью, что лучшие свои годы проработал за кусок хлеба.

2. Полная беззащитность рабочего от произвола администрации из-за отсутствия свободных профсоюзов. Так, например, в сентябре 1974 г. меня заставили отработать в субботу и воскресенье 20 часов и не заплатили за это ничего. Профсоюз, куда я обратился с жалобой, принял сторону администрации. Таких примеров можно привести десятки.

3. Отсутствие независимого и объективного суда. Только потому судья Алиев в г. Баку осенью 1966 г. вынес мне обвинительный приговор якобы за попытку нелегального перехода границы. Дело готовил Азербайджанский КГБ, и Алиев старался как мог, не стесняя себя процессуальными нормами.

4. Жестокое и унижающее человеческое достоинство обращение в трудовых лагерях. Я могу говорить об этом со знанием дела, так как много суток провел в ледяных одиночках лагеря № 8 Омского УМЗ. Там кроме обычного физического воздействия голодом и холодом мне еще по трое суток не давали пить по распоряжению майора Полякова.

4. Постоянная и все усиливающаяся тенденция КГБ использовать психиатрию для усиления своих следственных и карательных возможностей. Так, осенью 1966 г. капитан Таланов, следователь Азербайджанского КГБ, направил меня в психбольницу на том основании, что я не признаю себя виновным. По крайней мере, так он мне заявил перед отправкой. Когда же, вернувшись через 20 дней из больницы, я вновь отказался признать себя виновным, Таланов стал угрожать мне новым помещением в больницу.

Осенью 1972 г. в Омске подполковник Удовыдченко отдал распоряжение поместить меня в психбольницу, а главный врач этой больницы, никогда не видевший меня в глаза, заочно дал команду поместить меня в отделение, где содержатся буйные тяжелобольные. К счастью, дежурившая в этот вечер врач что-то заподозрила и своею властью отменила эту убийственную команду. Через 7 дней я был признан здоровым...

Практика показала, что власти игнорируют подобные заявления, поэтому я направляю копию этого заявления в посольство США с просьбой опубликовать его в свободной прессе, чтобы довести его таким образом до сведения нашего правительства и обратить внимание западной общественности, и прежде всего западных рабочих, на положение русского рабочего, который пытается отстаивать свои экономические интересы и человеческое достоинство”.

21 сентября 1976 г. В.А. Иванов вышел в Москве на площадь Революции с плакатом: ”Советским властям. Требую выезда. Я прошел ад ваших лагерей и ”душегубок”. Что еще? Русский рабочий Иванов В.А.”. Через десять минут Иванов был задержан милицией и провел сутки в отделении милиции, после чего был доставлен по месту жительства.

9 ноября Валентин Иванов обратился с письмом к председателю Американской федерации труда г-ну Дж. Мини, в котором он пишет:

”Уважаемый г-н Мини.

Я русский рабочий, электрик высшей квалификации с 30-летним стажем, обращаюсь к Вам как к руководителю американских профсоюзов.

С 1949 г. я подвергаюсь преследованию со стороны КГБ у себя на родине. Вначале за то, что отказался читать доклад Сталина, а позже за то, что пытался отстаивать право трудового человека в России.

Несколько раз я обращался к советским властям с просьбой о выезде из страны, и каждый раз ответом были репрессии. Сейчас положение стало критическим, и я решил обратиться к Вам с просьбой помочь мне получить вызов от американского профсоюза электриков. Я прошу помочь мне выехать из России и тем самым избежать новых репрессий...”

3. *Иван Михайлович Сивак*, украинец, 1926 года рождения, живет с женой и тремя сыновьями в поселке Дубрава Долинского района Ивано-Франковской области.

Вскоре после рождения И.М. Сивака его отец очутился в Канаде, где и жил до своей смерти в 1965 г. В 1970 году И.М. Сивак запросил разрешения на выезд в Канаду. Ему отказали, так как у него не было вызова, и предложили подать заявление на выезд в Израиль. Он согласился, но разрешения не получил, зато через некоторое время был отправлен в Ивано-Франковскую психиатрическую больницу. В письме на имя Л.И. Брежнева Иван Сивак пишет:

”Я уже тридцать лет живу в Советском Союзе, не живу, а существую. За эти тридцать лет мало что изменилось в жизни рабочего. Я живу в нищете и нужде. Зарплаты еле-еле на пропитание хватает. Кроме того, везде в Советском Союзе нет правды, нет свободы. Во всех сферах жизни ограничения. Везде и всюду человек чувствует себя невольником...”

Прошло уже более года, как в столице Финляндии Хельсинки торжественно был подписан Заключительный Акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе руководителями европейских стран и США и лично Вами. Можно без преувеличения сказать, что правительство Советского Союза не только не соблюдает условий, изложенных в этом документе, но... игнорирует, не считается с мнением своих граждан. Хочу напомнить,

что Декларация о правах человека тоже подписана правительством Советского Союза. А на факте в Советском Союзе человек лишен даже быть хозяином своей судьбы...

Я еще раз прошу Вас лично, Леонид Ильич, дайте мне разрешение на выезд с семьей в Израиль”.

В письме, направленном в Группу содействия Хельсинки, И.М. Сивак просит ”помочь эмигрировать в Израиль или в любую страну свободного мира”.

4. *Владимир Максимович Павлов*, русский, 1929 года рождения, водитель автобуса, живет с женой и сыном в городе Майкопе, ул. Школьная, 5. Впервые он заявил о своем желании эмигрировать из СССР в 1966 г. В 1971 г. он был осужден на три года лишения свободы по статье 190-1 УК РСФСР. Приговор по делу Павлова относится к числу документов, с предельной ясностью и выпуклостью отражающих характер эпохи; такие документы становятся образцами для изучения и входят в хрестоматии. Поэтому в Приложении 2 мы приводим полный текст приговора. Для того чтобы понять, что такое статья 190-1 и как она применяется на практике, не надо обращаться к специалистам, рыться в толстых книгах, расспрашивать очевидцев. Достаточно прочитать этот официальный документ, на котором стоит печать Министерства юстиции РСФСР и который умещается на неполных четырех страничках машинописи. И все станет ясно. Из приговора видно, что не только высказывание своих взглядов и мнений вменяется в вину В.М. Павлову, но и то, что ”выражал удовлетворение в случае совершения каких-либо поступков или преступлений лицами, состоящими в рядах КПСС”.

Из приговора видно, что кроме осуждения в 1971 г. по статье 190-1 В.М. Павлов был раньше, в 1949 г., осужден на два года лишения свободы по ст. 74 тогдашнего УК РСФСР, то есть за хулиганство. Вот что рассказывает он по этому поводу. В 1949 году молодым человеком он работал шофером на Урале. Перед их общежитием стояла статуя Сталина с вытянутой вперед рукой. Однажды ночью кто-то повесил на вытянутую руку Сталина старый драный башмак. Органы госбезопасности сочли необходимым как-то отреагировать на это. Арестовали Павлова, о котором уже было известно, что он способен на неортодок-

сальные высказывания. В течение шести месяцев, которые В.М. Павлов провел в предварительном заключении, никаких улик на него обнаружено не было. Очевидно, случай с башмаком к тому времени уже отошел в прошлое, и политического дела было решено не устраивать. Следователь сказал Павлову: "Ты понимаешь, что мы не можем просто выпустить тебя. Извиниться что ли перед тобой прикажешь? Вот у нас есть заявление, что ты устроил драку в общежитии. Выбирай: или ты признаешь свою вину и получаешь года три за хулиганство, или будем делать политическое дело". Драка в общежитии действительно имела место, хотя Павлов отнюдь не был ее зачинщиком, а просто защищался. Однако в этой ситуации он счел за благо "признаться", чтобы избежать гораздо более сурового наказания.

Хотя В.М. Павлов был осужден по ст. 190-1 в 1971 году и вышел из заключения в 1974 г., это дело надо рассматривать как самое современное, отражающее ситуацию в данный момент, через год после подписания Хельсинкского соглашения. Ибо В.М. Павлов обращался в Верховный суд РСФСР с протестом и просьбой о пересмотре дела и получил отказ, в котором черным по белому сказано, что "юридическая квалификация состава преступления, совершенного Вами, определена судом по ст. 190-1 УК РСФСР правильно". Этот документ (Приложение 3) подписан председателем Верховного суда РСФСР А.К. Орловым 10-го мая 1976 г. Тем самым Верховный суд РСФСР еще раз приглашает районные, городские, областные и прочие суды по всей стране сажать людей за решетку по аналогичным обвинениям.

Подборку документов составил Валентин Турчин.

Приложение 1: Обращение Л.М. Серого.

Приложение 2: Приговор областного суда Адыгейской автономной области по делу В.М. Павлова.

Приложение 3: Определение Верховного суда РСФСР по делу В.М. Павлова.

Генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Ильичу Брежневу

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

от рабочего гражданина Серого Леонида Михайловича, отца шести детей.

УССР, г. Одесса 270005

ул. Фрунзе 199, кв. 128

Просим Вас ускорить наш выезд из Советского Союза как можно быстрее. В любую из этих стран: Канада, США, Австралия.

16 февраля 76 г. мы послали свое письмо в адрес 25-го съезда КПСС, где подробно описали свое житье и свое несогласие так жить дальше.

Писали, что на установленный прожиточный минимум, 50 руб. на человека, невозможно прожить. Однако мы и этого не имеем.

Нас 8 человек. Двое нас с женой и шестеро детей — имеем заработок 195 руб.; 36 руб. — доплата на 3 детей до восьмилетнего возраста и плюс 13 руб. от Соцсобеса на малыша.

Вычеты на подоходные, профсоюзные, на квартиру. Остается где-то 180-190 руб.

В общем, я не буду повторяться. Я неоднократно писал в свое время и в профсоюзы, и в газеты, и в Верховный Совет, и в ЦК КПСС, но Вы не помогли и не считаете нужным даже давать ответы.

И все же я некоторые вопросы затрону снова. Я как гражданин и рабочий, беспартийный, член профсоюза с 1952 г. заявляю Вам официально свое несогласие с политикой партии и правительства в таких вопросах:

1. а) Крайне маленький рост заработной платы и ее ограничение. Как у нас говорят в отделе заработной платы, больше 140% мы вам не закроем.

б) Часто пересматриваются нормы и расценки. Так что еле-еле зарабатываешь 5-6 руб. в день, почти как по тарифу. Хотя никакого улучшения условий труда нет, все та же техника, все те же нехватки инструмента. Работаю я личным инструментом. Так что получается из рабочего выжимают побольше

пота и крови. И поменьше платят.

2. а) За последние годы, 1961-1976 гг., резко повысились цены в нашей стране в государственной торговле: на 30-40% на продукты питания — мясо, яйца, масло и другие высококалорийные продукты. На рынке также повысились цены в полтора-два раза — мед, сало, мясо, масло, сметана, фрукты и овощи.

б) Ограничения на покупку продуктов питания, как-то: 2 кг хлеба, 1 кг круп и макаронных изделий. Сахар — 1 кг, жиры, масло — 0,5 кг и прочие продукты.

в) А масло, мясо, картошка, морковка, капуста и многое другое часто отсутствуют.

г) Позакрывали много продуктовых магазинов, а пооткрывали на каждом углу магазины "Водка-вино". Детей корми водкой.

3. а) Вопрос о льготах многодетным семьям трудящихся. Увы, никаких! В очереди показываем свои две книжки о награждении медалями "о материнстве". И что вы думаете, молока и то не возьмешь. Говорят так: "Покажите, где у вас написано в книжке о праве брать продукты без очереди и в неограниченном количестве?". Мы только пожимаем плечами. Действительно, где такое право для нас многодетных, его просто нету. Так что надо повесить медали на грудь, и пускай дети вместо еды смотрят на медали. А какой толк от них?

Квартиры многодетным не дают добросовестно по закону, а если и дают, то с обманом, или дают "на тебе Боже, що соби негоже". Как правило, плохо относятся к таким семьям и в школе, и на работе, и в быту.

б) Плохое медицинское обслуживание, не приезжают по вызову "скорой помощи", хладнокровное отношение врачей. (Плохой уход, плохое лечение и питание.) Как в "Ревизоре" — хороший больной и сам вылечится.

в) Нет никаких льгот на лекарства и больничные листы, а на справке не проживешь.

4. Я не согласен в вопросе ограничения личных свобод и прав граждан.

1. а) У нас есть свобода пропаганды атеизма, но нет свободы пропаганды религии. Нет печатных изданий, книг, журналов, газет, радио и телевидения. Церкви и монастыри закрывают под любым предлогом, а о постройке новых и говорить нечего.

б) Наш профсоюз объединили в единую организацию, подчиненную партии и правительству. Хотя существует профсоюз докеров, рыбаков, моряков, металлистов и т. д. У каждого свои интересы и проблемы. Профсоюз должен защищать права рабочих перед партией и правительством. Он должен иметь право на коллективные протесты и требования повышения заработной платы, лучших условий труда и отдыха. Свои руководящие органы должны выбираться и назначаться самими рабочими, а не в политбюро партии. Профсоюз и партия должны быть независимы друг от друга. Особенно это видно на примере месткомов, где сперва подают готовые списки месткома, состоящие из понравившихся им лиц (подхалимов, собутыльников) на партбюро, а после делают вид якобы выбирает профсоюзное собрание.

2. а) Такие же выборы без выбора происходят у нас и в высшие органы власти. Где где-то на партсобрании выступит какой-то товарищ из начальства или подхалим и выставит кандидатуру своего шефа. Похвалят его и включат в список выборов. В анкете стоит по одной кандидатуре, так что выбрать нечего. Но даже если попадетс хороший депутат, ему дается слишком мало прав и возможностей помогать людям.

б) Наши граждане лишены прав протеста, демонстраций, забастовок и других форм протеста.

А жалобы не помогают.

в) Инакомыслящих граждан преследуют органы милиции, КГБ, а на работе — начальство. Как было и есть со мной. За мое требование улучшения жизненного уровня и заработка, чтобы мои дети и мы не голодали, не ходили голые и босые, чтоб можно давать деньги для школы на всякие ихние прихоти, — меня преследуют. Не дают больше заработать 5-го разряда, не устроили жену на плавмастерскую уборщицей. Не дали визы в загранплавание. Называют в шутку и всерьез "врагом народа" и антисоветчиком. Кто это говорит — начальство.

г) Вернуть права и дальнейшее их расширение национальным республикам. В частности, Украине.

Образование — школы, университеты на украинском языке. Учреждения также должны на украинском языке. Иметь право республике на свои национальные кадры во всех областях жизни.

д) Прекратить кампанию травли Солженицына, Сахарова, Твердохлебова, Буковского, В. Мороза, Н.А. Строкатовой, Дзюбы и Караванского. Дать им право выступать на собраниях, пусть народ сам решит, правы они или нет.

Освободить политзаключенных Советского Союза.

Долой цензуру из наших почт и редакций.

5. а) Выработать такую конституцию, где были бы законы, которые гарантировали бы права граждан на свободу и пресекли деятельность КГБ. Чтобы они охотились за вражеской разведкой, а не занимались "охотой на ведьм" за своими гражданами-инакомыслящими.

б) Выработать истинные законы о правах на свободу слова, печати, выборов, собраний, демонстраций и забастовок.

в) Закон о свободной эмиграции.

Только в такой демократической и процветающей стране мы согласны жить и растить своих детей.

14. 11. 76 г., г. Одесса

Серый

Приложение 2

Дело № 2-37

ПРИГОВОР

ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Судебная коллегия областного суда Адыгейской автономной области в составе:

председательствующего Купцова Б.М.

и народных заседателей Богдановой К.А. и Гуртенко Н.Г.
при секретаре Кивадовой Л.П.

с участием прокурора Ермакова А.С. и общ. обв. Слиткова Н.М.

рассмотрела в открытом судебном заседании в гор. Майкопе 3 сентября 1971 года дело по обвинению

Павлова Владимира Максимовича, 13 апреля 1929 года рождения, уроженца города Майкопа, русского, беспартийного, с

образованием 6 классов, женатого, имеющего двоих детей в возрасте 13 и 15 лет, судимого в 1949 году по ст. 74 ч. 2 УК РСФСР к 2 годам лишения свободы, наказание отбывшего (судимость погашена), работавшего шофером Майкопского пассажирского автопредприятия, проживавшего в гор. Майкопе, по ул. Школьной, 5, преданного суду по ст. 190-1 УК РСФСР.

Проверив материалы предварительного следствия, Судебная коллегия

У С Т А Н О В И Л А :

Подсудимый Павлов на протяжении ряда лет систематически распространял как в устной, так и в письменной форме заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

Преступление им совершено в период 1968-1971 годов в городе Майкопе при следующих обстоятельствах.

Работая шофером Майкопского пассажирского автопредприятия, Павлов среди своего окружения распространял заведомо ложные измышления и, истолковывая события международной жизни, а также используя различные местные неполадки, пытался скомпрометировать мероприятия, проводимые партией и правительством, опорочить существующий государственный строй.

Несмотря на неоднократно проводившиеся с ним администрацией и руководителями общественных организаций предприятия беседы воспитательного характера, а также официальные предостережения и примененную в отношении него профилактику органами государственной безопасности, подсудимый Павлов не изменил своего поведения.

В 1968 году во время событий в Чехословакии подсудимый в беседе со свидетелем Сотниковым высказывал клеветнические измышления по поводу ввода войск государств социалистического содружества в эту страну в целях предотвращения возможной в тех условиях реставрации капитализма.

Впоследствии в беседах с этим же свидетелем, неоднократно касаясь каких-либо недостатков, высказывал измышления о неспособности коммунистической партии устранить эти недостатки.

Неоднократно пытался скомпрометировать проводившиеся мероприятия по стимулированию передовиков производства,

систематически их третировал, выражал удовлетворение в случае совершения каких либо поступков или преступлений лицами, состоявшими в рядах КПСС.

В 1970 году подсудимый Павлов одобрительно отзывался о совершенном бандитском налете и угоне самолета в Турцию, высказывая сожаление лишь в том, что не оказался в числе совершивших это преступление лиц.

На протяжении 1970 года неоднократно в беседах со своими сослуживцами высказывал измышления против членов коммунистической партии, считая их своими идейными врагами. Аналогичное высказывание подсудимый допустил в отношении свидетеля Чернова в связи с его избранием в партийное бюро и членов местного комитета профсоюза.

Этому же свидетелю заявил, что в Соединенных Штатах Америки якобы еще слишком гуманно обходятся с коммунисткой Анджелой Девис.

В 1970-71 гг. подсудимый Павлов вел дневниковые записи, предназначенные для переписки со своими детьми школьного возраста, в которых излагал свои измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Эти записи впоследствии передал для прочтения директору автопредприятия Скаляхе.

В мае 1971 года подсудимый Павлов передал свидетелю Хунагову еженедельник "За рубежом" с учиненной им надписью, направленной на опорочение советской демократии.

В июне 1971 года подсудимый Павлов обратился с письменным заявлением в облсовпроф, в котором указал, что считает неправомочным товарищеский суд предприятия судить его — Павлова, поскольку во главе суда стоит коммунист, а также по "политическим соображениям".

Допрошенный по существу предъявленного обвинения подсудимый Павлов, не отрицая отдельных эпизодов обвинения, в частности указанных выше высказываний по поводу событий в Чехословакии, угона советского самолета в Турцию, ведения дневника, содержащего указанные выше измышления, виновным себя не признал.

При этом он пояснил, что он свои действия, явившиеся следствием неправильного к нему отношения по месту работы, не считал преступными, хотя и сознает, что отдельные его выска-

звания бывали чрезмерно резкими.

Судебная коллегия находит, что виновность подсудимого Павлова в совершенном преступлении, правильно квалифицированном по ст. 190-1 УК РСФСР, материалами дела доказана и подтверждена доказательствами, проверенными в ходе судебного следствия.

Так, свидетель Сотников подтвердил суду, что подсудимый Павлов высказывал ему измышления по поводу событий в Чехословакии, обвиняя страны социалистического лагеря в посягательстве на ее свободу, допуская злобные сравнения выступления контрреволюционных, антисоциалистических сил с прогрессивными движениями в годы революции в нашей стране.

Этот же свидетель показал, что Павлов допускал измышления в отношении коммунистической партии, которая якобы неспособна устранить имеющиеся в стране недостатки.

Свидетель Хунагов показал, что примерно в мае 1971 года Павлов высказывал ему измышления против советской демократии и передал еженедельник "За рубежом" с надписью аналогичного содержания. Кроме того, как показал свидетель Хунагов, подсудимый в беседе с ним одобрял действия немецких оккупантов, расправлявшихся с коммунистами, высказывал удовлетворение тем, что допустивший аварию шофер Афанасьев оказался коммунистом.

Последнее обстоятельство подтверждено и свидетелем Клиновым, который также пояснил, что в 1971 году в беседе с ним Павлов высказывал угрозы тем, что придет время, когда он сможет расправиться с коммунистами.

Свидетель Бескровный пояснил суду, что ему, как депутату областного Совета депутатов трудящихся, неоднократно жаловались работники предприятия на нездоровые высказывания Павлова, который и ему лично высказывал ненависть, как передовик у производства.

Свидетели Игнатьев и Павлов показали суду, что подсудимый высказывал им, как участникам Великой Отечественной войны, оскорбительные суждения, высмеивал их стремление честно выполнить воинский и гражданский долг.

Свидетели Бутырин и Чернов показали о приведенных выше высказываниях подсудимого в связи с угоном советского самолета в Турцию, а свидетель Чернов кроме того — и о высказы-

ваниях подсудимого против коммунистки Анджелы Девис.

Наконец, предъявленное обвинение нашло подтверждение и в приобщенных к делу вещественных доказательствах — дневниковых записях с измышлениями Павлова, порочащими государственный и общественный строй, в его обращении в Облсовпроф, в учиненной надписи на приобщенном к делу номере еженедельника "За рубежом".

Систематическое распространение таких измышлений, несмотря на неоднократные предупреждения о их недопустимости, приводят Судебную коллегия к выводу об умышленных действиях подсудимого.

Исходя из изложенного, принимая во внимание характер содеянного и личность виновного, руководствуясь ст. ст. 301-303 УПК РСФСР, Судебная коллегия

П Р И Г О В О Р И Л А

Павлова Владимира Максимовича признать виновным по статье 190-1 УК РСФСР и определить ему наказание в виде лишения свободы на 3 (три) года с отбыванием в исправительно-трудовой колонии строгого режима и зачетом содержания под стражей с 20 июля 1971 года.

Меру пресечения Павлову В.М. оставить прежнюю — содержание под стражей.

Вещественные доказательства — тетради с дневниковыми записями — хранить при деле.

Приговор может быть обжалован в течение 7 суток со дня его провозглашения, а осужденным — в тот же срок со дня получения копии приговора в Верховный суд РСФСР.

Председательствующий — Купцов
Народные заседатели — Богданова и Гуртенко

Приложение 3
Копия

РСФСР ВЕРХОВНЫЙ СУД
Адрес: Москва, К-12, ул. Куйбышева, д. 7/3

10 мая 1976 г.
№ 31-пс 76

гр. Павлову В.М.
г. Майкоп, ул. Школьная, д. 5

Верховным судом РСФСР в связи с Вашим заявлением от 15 февраля 1976 года, поступившим из Министерства юстиции СССР, проверено в порядке надзора уголовное дело, по которому Вы были осуждены 3 сентября 1971 года по ст. 190-1 УК РСФСР.

Обоснованность приговора областного суда Адыгейской автономной области, постановленного в отношении Вас, подтверждается материалами дела, в том числе Вашими объяснениями при расследовании дела в суде. Юридическая квалификация состава преступления, совершенного Вами, определена судом по ст. 190-1 УК РСФСР правильно.

В связи с отсутствием оснований для принесения протеста на отмену приговора Ваша просьба о пересмотре дела оставлена без удовлетворения.

П. п. председатель Верховного суда РСФСР

А.К. Орлов

БОРЬБА ЭМИЛИИ ИЛЬИНОЙ ЗА ПРАВО СВОБОДНОГО ВЫЕЗДА ИЗ СССР

Эмилия Ильина, русская, борется за право свободного выезда из СССР без какого-либо вызова из-за границы в соответствии с гарантиями, зафиксированными во Всеобщей декларации прав человека, в Международном пакте о гражданских и политических правах и Заключительном Акте Европейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

После десятидневной голодовки (с привлечением внимания Группы содействия) Ильиной удалось добиться того, что ОВИР обещал ей разрешение на выезд в Канаду без вызова.

Но это был обман, типичный для тактики властей в вопросе выезда. Когда Ильина подала документы на выезд в Канаду, ей сообщили, что на самом деле могут оформить выезд лишь в Израиль — без вызова.

Это тот путь, по которому прошел, в частности, украинец Сивак (см. документ № 13). После того, как он сдал документы на выезд в Израиль без вызова (испытав тем временем психиатрические репрессии), от него потребовали вызов из Израиля. Сивак — рабочий, отец которого умер в Канаде, не дождавшись сына.

Понимая тактику властей, Эмилия Ильина заявляет, что она никогда не согласится на отъезд по "вызову" и "за выкуп" (плата за лишение гражданства).

Прилагаем отчет Владимира Слепака о его поездке в Ленинград по делу Ильиной 16 ноября 1976 г.

Продолжение этого дела таково. Обнаружив обман, Ильина продолжила голодовку. Через 22 дня голодовки она ее временно прекратила и решила набирать силы для продолжения своей борьбы.

2 декабря 1976 г.

*Людмила Алексеева, Александр Гинзбург, Мальва Ланда,
Юрий Орлов, Владимир Слепак, Анатолий Щаранский.*

ОТЧЕТ О ПОЕЗДКЕ В ЛЕНИНГРАД ПО ДЕЛУ ЭМИЛИИ ИЛЬИНОЙ

15 ноября по поручению Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений член Группы Владимир Слепак и Аркадий Полищук предприняли поездку в Ленинград для выяснения положения и возможностей оказания помощи *Ильиной* Эмилии Павловне, которая в знак протеста против препятствий, чинимых ей в ее стремлении эмигрировать из СССР, 7 ноября с. г. объявила бессрочную голодовку.

16 ноября В. Слепак и А. Полищук встретились с Эмилией Ильиной, которая рассказала им о своем положении.

После того, как Ильина направила Председателю ПВС СССР Н. Подгорному заявление с просьбой выдать ей и ее семье выездные визы, Э. Ильину посетила председатель горкома КПСС Лебедева, которая в основном расспрашивала Ильину о ее бытовых условиях. 5 октября Ильина была приглашена к работнику Ленинградского горкома КПСС А. Шиповой (подробности о разговоре с Шиповой изложены в заявлении Ильиной первому секретарю обкома КПСС Г. Романову, которое прилагается).

После этого Э. Ильину несколько раз приглашали в органы ГБ на "беседы". Э. Ильина рассказала, что однажды ее вызвали, когда она была больна радикулитом. Так как она была не в состоянии придти, ее посетила женщина, которая назвалась врачом, но отказалась представиться. Она выписала бюллетень, не подписав его и неправильно оформив. Затем эта женщина настояла на том, чтобы Ильина поехала с ней на консультацию к профессору. Профессор и врач задавали ей при осмотре также и вопросы, не имеющие отношения к заболеванию. Однако необходимая медицинская помощь ей была оказана.

В ОВИРе, куда Э. Ильина обратилась по рекомендации сотрудников КГБ, у нее спросили о наличии у нее вызова из Израиля. Э. Ильина заявила, что она не еврейка, не собирается ехать в Израиль и не нуждается в каком-либо вызове, так как *на основании Пакта о гражданских и политических правах и Хельсинк-*

ского соглашения, где имеется ссылка на Всеобщую декларацию прав человека, она имеет право не только выехать из СССР, но и, если она этого пожелает, и возвратиться обратно в СССР. После отказа выдать ей анкеты для оформления выездных виз Э. Ильина 7 ноября начала голодовку протеста против беззакония властей и против произвола.

Э. Ильина сообщила Слепаку и Полищуку, что она голодает уже 10-й день, не прекращая при этом ходить на работу, и что 16 ноября (день встречи с ней Слепака и Полищука) она вновь приглашена в ОВИР.

Э. Ильина не возражала против предложения Слепака и Полищука сопровождать ее во время посещения ОВИРа. В ОВИРе Э. Ильиной были выданы анкеты, и ей было сказано, что у нее примут все необходимые для оформления выездной визы документы без вызова.

В тот же день Э. Ильина направила Председателю ПВС СССР Н. Подгорному телеграмму о том, что она прекращает голодовку, но в случае новых препятствий она возобновит ее.

Обо всем, что произошло с Э. Ильиной, В. Слепак рассказал корреспонденту Агентства (?) в Ленинграде, который обещал 17 ноября подробно проинтервьюировать Э. Ильину.

17 ноября 76 г.

В. Слепак, А. Полищук.

Приложения:

1. Личные впечатления В. Слепака от встречи с Ильиной.
2. Биография Ильиной.
3. Генеральному секретарю ООН — от Э. Ильиной.
4. Первому секретарю Ленинградского обкома КПСС — от Ильиной.

Впечатление от встречи с Э. Ильиной и от посещения ее квартиры

Встретившись с Эмилией Ильиной в Ленинграде 16 ноября, я был поражен цельностью ее натуры. Правдивая, честная, лишен-

ная каких-либо комплексов, она, глядя в глаза собеседнику, открыто говорит все, что думает. Прожив свои 50 лет в тяжелых условиях, она лишена какого-либо страха перед властями, верит в идеалы *Добра и Справедливости*, без малейших колебаний изобличает фальшь и несправедливость, с которыми сталкивается.

Живет она с двумя дочерьми-студентками и грудным внуком в одной комнате 28 м (достаточная по советским нормам) в квартире, где проживают 10 семей (более 30 человек), с общей кухней, туалетом, очень длинным коридором, где дети катаются на велосипедах.

Комната обставлена старой дешевой мебелью.

Одна из дочерей спит на раскладушке.

17 ноября 76 г.

В. Слепак

Биография Ильиной Эмилии Павловны

Родилась в 1926 г. в г. Ижевске в семье рабочего, мать — крестьянка.

Отец умер в 1930 г.

7 классов школы окончила в 1941 г.

В 1944 г. окончила Сорепульский техникум кооперативной торговли и была направлена работать в г. Залещики бухгалтером Райпотребсоюза.

В 1950 г. окончила вечернюю школу рабочей молодежи и поступила в Одесский электротехнический институт связи.

Институт окончила в 1955 г. По направлению института 2 года работала в Кемеровской области в комбинате "Кузбасс" инженером междугородной телефонной станции.

С 1961 года работает инженером-проектировщиком.

Имеет двух детей:

дочь Елена Викторовна, 1954 г. рождения, студентка Ленинградского университета,

дочь Юлия Викторовна, рождения 56 г., студентка Горного института.

Копия: Господину Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций.

Копия: Генеральному секретарю т. Брежневу.

Копия: Конгрессу Соединенных Штатов Америки, американскому народу.

Копия: В Международный комитет защиты прав человека.

Господин Генеральный секретарь, я обращаюсь к Вам, но я одновременно обращаюсь и ко всем руководителям государств, подписавшим Заключительный Акт Хельсинкского совещания.

Вы заботитесь о судьбах целых народов, я прошу Вас принять участие в судьбе моей семьи. Я прошу Вас оказать мне и моей семье помощь в получении визы на выезд из СССР.

Я, инженер с дипломом и двадцатилетним стажем, при прожиточном минимуме в 150 рублей получаю за месяц работы 124 руб. Этих денег едва хватает на самое скудное пропитание, покупать одежду и обувь не на что, не говоря уже о мебели, ремонте жилища, отдыхе и лечении на курорте.

Живу я в большой коммунальной квартире, 10 семей, 30 человек соседей. В кухне, коридоре, санузле постоянно находятся люди.

Моя семья состоит из трех человек (я и 2 дочери-студентки), занимает одну комнату. Надо ли говорить, что отдыха при таких условиях нет никогда. Занимаемая моей семьей комната имеет площадь 28, 5 м, по нашим законам у нас излишки площади, и мы ни на какие улучшения жилищных условий претендовать не имеем права.

Зимой заболела моя дочь, поставили диагноз: туберкулез легких. Положили в туберкулезную больницу. В квартире, чтобы уберечь соседей от заражения, была сделана дезинфекция. 2 месяца дочь лежала в палате, где содержатся больные с открытой формой туберкулеза, два месяца ее лечили от туберкулеза, потом этот диагноз поставили под сомнение и определили воспаление легких. В течение двух месяцев 6 раз делали рентген, от 7-й рентгеноскопии дочь отказалась и была выписана больная, с повышенной температурой, на работу.

Сейчас дочь больна, срочно нуждается в госпитализации, но ее ни в одну больницу, кроме туберкулезных, не принимают:

на истории болезни стоит гриф "туберкулез".

Ради всего святого окажите мне помощь, я нахожусь на грани отчаяния.

2 августа 76 г.

Ильина

Копия: Первому секретарю Ленинградского обкома партии Г.В. Романову.

Копия: Конгрессу США, американскому народу.

от Ильиной Эмилии Павловны, беспартийной, рождения 1926 г., проживающей в Ленинграде по ул. Чайковского, 36, кв. 17.

З а я в л е н и е

Обстоятельства вынудили меня обратиться к властям с просьбой о выдаче мне визы на выезд из СССР.

Это мое заявление перестали в Ленинградский горком партии.

По поводу моего заявления ко мне домой приходила работник горкома партии Лебедева.

Я ответила на все ее вопросы, большинство из которых к делу о визе никакого касательства не имели, но задавались они в корректной форме, и не ответить было бы невежливо.

5 октября с. г. меня, беспартийную, вызывает в горком партии Александра Терентьевна (прошу прощения, может быть, Тихоновна) Шипова.

Приученная всей нашей жизнью к уважению партийных органов и к дисциплине, я пошла по этому вызову, хотя правильнее было бы от этой чести отказаться.

Какое невежество, какая серость вызывать к себе в кабинет человека не подчиненного, вызывать только для того, чтобы оскорбить!

А.Т. Шипова заявила мне: "Квартиру вы не получите, мы ее вам не нарисуем!"

Ничего не скажешь, вежливое и корректное замечание и по форме, и по содержанию, особенно для стен такого высокого учреждения!

Я нигде в своем заявлении не упоминала, что прошу квартиры. Я предполагала, что мне ее предложат вместо визы, но я не успела сказать, что откажусь от квартиры.

Я спросила, для чего все же меня вызвали, и А.Т. Шипова ответила, что она вызвала меня, чтобы посмотреть лицо изменника Родины. Вызвала, чтобы посмотреть лицо!

А когда вашим сотрудникам хочется посмотреть балет, что, они вызывают в Смольный Кировский театр?

Меня назвали изменником Родины. За что? Желание работающего человека (не безработного) жить в нормальных человеческих условиях — измена Родине?

Это что, новый лозунг научного коммунизма? Тогда напишите его на всех ленинградских проспектах.

Я — не изменник Родины.

Изменники Родины те, кто, используя власть, захватили привилегии и пользуются ими. Тут уж измена не только Родине, но и трем революциям, и двум войнам: Гражданской и Отечественной, измена идеалам, за которые погибло столько лучших людей.

Больше половины ленинградцев, больше миллиона человек только в Ленинграде живут в мерзости коммунальных квартир, в нетерпимой обнаженности всего самого интимного, бранятся, дерутся, звереют, калечат и убивают друг друга и, безусловно, страдают.

А Вы и сотрудники Вашего аппарата живете в роскошных квартирах.

Ленинградцы стоят в очередях за костями, чтобы сварить суп. Что это, признак высокого благосостояния?

Вы, руководители партии и правительства, внушаете постоянно народу притчу о ленинской осьмушке хлеба. Почему же сами вы о ней забыли? Для нас вы везде написали: жить по-ленински. Почему же вы сами живете не по-ленински?

Вы, когда садитесь утром, в обед, за ужином к красиво сервированному столу, который ломится от всяческих дефицитных деликатесов, приходит ли вам в голову, что, захватывая жирный и большой кусок, пользуясь властью, Вы поступаете *Безнравственно?*

Вот когда Вы это поймете, вы станете цивилизованными людьми. Вот тогда только можно будет говорить о строительстве коммунизма.

Покуда есть в Ленинграде коммуналка, первый секретарь обкома коммунистической партии должен жить в ней и уйти из коммуналки последним, как капитан с тонущего корабля, а Вы, капитан, прыгнули в спасательную шлюпку первым! Если что-то недоступно другим членам нашего общества, не пользуйтесь этим и Вы, коммунист-ленинец!

Помните о ленинской осьмушке хлеба.

А.Т. Шипова говорит с апломбом специалиста: "В больницах кормят хорошо!" Очевидно, и Вы так думаете?

Уверю Вас, Вы ошибаетесь.

Хорошо кормят больных в Свердловской больнице, где лечат иностранцев, где лечат Вас, Вашу семью, Ваших сотрудников и их семьи. Там на питание больного тратится 5 рублей в сутки, а может быть, и больше. В общедоступных ленинградских больницах, таких, как имени 25 октября, завода "Большевик", туберкулезной больнице на ул. Звездной, на питание больного тратится рубль в сутки, где чуть больше, а в больнице завода "Большевик" — 80 копеек.

Из этих копеек повар должен сэкономить для себя и своей семьи "кусочек" мяса и масла? А зам. повара? А зав. столовой? А официантки видят все, как им не дашь? Что же остается больному? В больнице завода "Большевик" даже мужчины, не получающие из дома передач, отодвигают тарелку с больничным супом, суп пахнет помоями (невозможно есть), тухлая рыба жарится вместе с чешуей и потрохами. Не лучше кормят и в туберкулезной больнице на ул. Звездной.

Знаете ли Вы, Георгий Васильевич, все это? Неужели не знаете? Это известно всем.

В самом начале допроса А.Т. Шипова пригрозила мне лечением в психбольнице. "Нормальный советский человек до такого не додумается", — сказала она.

Я больной человек, двадцать лет меня мучает стоматит, у меня больной желудок, печень, у меня хронический радикулит. Но психически больной я не была никогда, здорова в этом смысле я и сейчас.

3 года назад при обмене жилплощади у меня потребовали справки из туберкулезного и психоневрологического диспансеров. Такие справки мне были выданы, а в них за подписями удостоверилось, что я и моя семья здоровы. 10 лет я была до-

нором. Это у нас почетно, не позорно. От больных психически, насколько я понимаю, кровь для переливания другим людям не берут.

В ОВИРе мне сказали, что визу я не получу (сотрудник ОВИРа Писковицкая), никто мне ее не даст, то же почти, что не нарисует. Начальник областного УВД — будто бы не имеет на это права. А.Т. Шипова уверила меня, что партийные органы этим тоже не занимаются.

Л.И. Брежнев подписал Заключительный Акт Хельсинкского соглашения. Вы, руководитель самой крупной в Союзе партийной организации, Вы должны знать, кто же уполномочен у нас давать визы.

И Вы должны понимать, что я имею право просить. Я свободный человек, не крепостная, я имею право выехать из СССР и вернуться назад — так записано в Заключительном Акте Хельсинкского совещания.

Позвольте мне воспользоваться своим правом, только этого я и прошу, и в этом нет ничего противозаконного.

2 ноября я начинаю голодовку протеста против беззакония властей и против бесправия.

8 октября 1976 г.

Ильина

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

К ДОКУМЕНТАМ № № 11-14 О ГРУБОМ НАРУШЕНИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА ВЫЕЗД ИЗ СТРАНЫ ПРОЖИВАНИЯ

Документы № № 11-14 относятся к общей проблеме права на выбор страны проживания и права на выезд из данной страны (с возможностью возврата в нее).

Эти права оговорены в Заключительном Акте в трех аспектах: 1) содействие правительств, подписавших Заключительный Акт, *воссоединению семей*; 2) соблюдение всеми правительствами прав свободно *мигрирующей рабочей силы* (ст. 6 "Экономические и социальные аспекты мигрирующей рабочей силы"); 3) соблюдение правительствами, подписавшими Заключительный Акт, основных прав человека, зафиксированных, в частности, во Всеобщей декларации прав человека и в Международном пакте о гражданских и политических правах, ратифицированном Советским Союзом в марте 1976 года (пункт VII, раздел 1-а Заключительного Акта). Как Всеобщая декларация (статья 15 §2), так и Международный пакт (статья 12 пункт 2) гарантируют гражданам право выбора страны проживания, свободный выезд и свободное возвращение в страну проживания.

Советское правительство самым грубым образом нарушает эти права своих граждан во всех аспектах. И после подписания Заключительного Акта СССР окружен подобием берлинской стены, растянутой на тысячи километров.

Между тем, все больше советских людей публично заявляют о своем желании навсегда или на время покинуть пределы Советского Союза. Очень часто они получают отказы. Во многих случаях на них обрушиваются репрессии: увольнения с работы, помещения в психбольницы, аресты по спровоцированным делам и т. д.

Мы можем судить об этом по растущему числу заявлений непосредственно Группе содействия или через нее — главам правительств, подписавшим Заключительный Акт. Мы знаем, одна-

ко, что подавляющая часть заявлений — о желании эмигрировать, об отказе от гражданства, о необходимости выехать на время — не достигает Группы, и очень большое число желающих эмигрировать Группе просто неизвестны.

Мотивы, по которым разные люди начинают борьбу за право на выезд из страны, различны.

Формально наибольшая часть желающих эмигрировать из СССР указывает на существование родственников за границей и опирается на право воссоединения семей. Так поступают не только евреи и немцы, но и жители Прибалтики, Армении и других республик, а также и русские.

Общая направленность потока воссоединения семей из СССР даже в малой степени не компенсируется обратным потоком в СССР, что указывает на истинные — *социальные* — корни этого процесса. С полным основанием люди, вынужденные искать родственников в Израиле в надежде получить вызов, чтобы уехать из СССР, могут рассматриваться как *беженцы*.

В документах 11-14 не рассматривается важная проблема воссоединения семей, с которой связаны многие реальные трагедии и многие вопиющие нарушения советским правительством Заключительного Акта. Эти документы основаны целиком на заявлениях и обращениях людей, желающих эмигрировать из страны по религиозным, политическим, экономическим, национальным (см., например, документ № 9), профессиональным и другим мотивам.

Советское правительство настойчиво сводит все содержание гуманитарных статей Заключительного Акта к одному — единственному пункту — воссоединению семей (отрицая свои нарушения и в этой области). Оно хотело бы навязать эту свою позицию другим государствам так же, как оно навязывает ее своим гражданам. Однако столь ограниченное толкование Заключительного Акта перечеркнуло бы пункт VII раздела 1-а — тот единственный пункт, в котором Советский Союз пошел на существенный компромисс, а также пункт о мигрирующей рабочей силе.

Проблемы эмиграции из СССР тесно связаны со всем комплексом нарушений прав человека в СССР.

В приложении к документу № 11 "О праве на эмиграцию по религиозным мотивам" представлены сотни драматических

заявлений членов *религиозной* общины пятидесятников, бесконечное терпение которых кончилось, которые не хотят более переносить репрессии, лишения и дискриминацию. Теперь они добиваются осуществления своего бесспорного права на эмиграцию. Большинство пятидесятников — русские, простые рабочие и служащие.

Документ № 12 "Об украинских беженцах" основан на обращениях десятков украинцев — политзаключенных и членов их семей, ищущих политического убежища в других странах. Положение этих людей трагично, и мы хотим привлечь к их судьбе внимание мировой общественности.

Документ № 13 "Требования эмиграции по экономическим и политическим мотивам со стороны рабочих" составлен на основании нескольких заявлений от рабочих, желающих выехать из СССР — и по экономическим причинам (невозможность прокормить семью), и по политическим мотивам. Напомним, что советские рабочие лишены права организованно бороться за повышение своего жизненного уровня ввиду отсутствия в СССР независимого от государства профсоюзного движения.

В документе № 14 поднят принципиально важный вопрос о праве на эмиграцию *по истинным* мотивам.

Первым привлек внимание к этому вопросу Анатолий Марченко, отказавшийся следовать по пути, навязываемому советскими властями большинству эмигрантов-неевреев (Андрей Амальрик, Наталья Горбаневская и многие другие) — эмигрировать в Израиль по вызову "родственников", и настаивавший на своем праве на выезд в качестве политэмигранта. Эта попытка закончилась трагически. А. Марченко был арестован и получил четыре года ссылки по сфабрикованному обвинению в нарушении правил надзора.

Сейчас борьбу за право свободного выезда ведет пятидесятилетняя ленинградка Эмилия Ильина, объявившая голодовку и требующая разрешить ей эмигрировать в Канаду без "выкупа" и без вызова от "родственников".

Непосредственно к документам № № 11-14 примыкает заявление тбилисцев Григория и Исаея Гольдштейнов и Елизаветы Быковой, требующих удовлетворения их *права на отказ от советского гражданства*.

2 декабря 1976 г.

Людмила Алексеева, Александр Гинзбург, Александр Корчак, Мальва Ланда, Юрий Орлов, Владимир Слепак, Анатолий Щаранский, Елена Боннэр, Анатолий Марченко, Петр Григоренко.

**ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ СЕМЕРЫХ УЧЕНИКОВ
ИЗ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ им. ВЕНУОЛИСА
(ВИЛЬНЮС)**

С начала 1967–1968 учебного года не были допущены к занятиям семь учеников-старшеклассников средней школы имени Венуолиса (Вильнюс): Витаутас Богушес, ... Бидлаускас, Альгирдас Масюленис, Юлис Саснаускас, Клястутис Субачюс, Регимантас Паленис и Дайнюс Шяпутис. Их родителям и им самим объяснили, что они исключены из школы по решению педсовета, состоявшегося 17 июня 1976 г., но никто из них не получил возможности ознакомиться с протоколом этого педсовета, и даже оказалось невозможным выяснить мотивировки исключения.

Зав. учебной частью школы Добинас и учителя давали путанные и противоречивые объяснения по этому поводу родителям учеников и члену Группы содействия Людмиле Алексеевой, направленной Группой в Вильнюс для получения информации по данному делу. Министр просвещения Литовской ССР А. Римкус заявил Л. Алексеевой и литовскому активисту борьбы за права человека Томасу Венцлове, что все эти мальчики исключены за поведение, недостойное советского школьника, но не смог пояснить, какие именно дурные поступки совершил каждый из них.

Есть основания полагать, что исключение было произведено по указанию органов госбезопасности.

В течение прошлого года этих учеников вызывали в милицию и в КГБ, где им задавали примерно одни и те же вопросы: ходят ли они в костел и слушают ли передачи радиостанции "Ватикан", а также требовали, чтобы мальчики объяснили, зачем они навещают Виктораса Пяткуса (Пяткус — известный общественный и католический деятель Литвы, 14 лет провел в лагерях и тюрьмах по политическим статьям. Ныне является од-

ним из членов-учредителей Литовской общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений).

От мальчиков добивались, чтобы они "признались", что Пяткус угощает их вином и сигаретами, дает деньги на "машинно-писную литературу"; и даже сообщали им, что Пяткус – гомосексуалист.

В милиции капитан Семенов кричал на ребят, уснащал свою речь нецензурными словами; в КГБ старший лейтенант Вербицкас был вежлив, но оба они угрожали, что, если мальчишки не подтвердят поклепа на Пяткуса, в институт им не поступить, а Богущеса даже пугали детской колонией. Именно отказ мальчиков дать лжесвидетельства является истинной причиной их исключения из школы.

Преследования не прекращаются. В середине ноября возили в районное отделение милиции Юлиса Саснаускаса, которого там избил инспектор уголовного розыска и майор Мацюлевич. Не оставляют в покое и остальных.

Все это является очевидным нарушением элементарных человеческих прав, тем более вопиющим, что речь идет о почти детях.

Людмила Алексеева

Томас Венцлова

(от Литовской общественной группы содействия
выполнению Хельсинкских соглашений)

8 декабря 1976 года

ЗАЯВЛЕНИЕ

**членов Общественной группы содействия
выполнению Хельсинкских соглашений в СССР
по поводу обысков, проведенных 4-5 января 1977 г.
у членов Группы, допросов и других репрессий**

1. После серии обысков у членов Украинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений 4 января были проведены обыски у членов Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР Людмилы Алексеевой, Александра Гинзбурга и Юрия Орлова, а также у матери А. Гинзбурга — Л.И. Гинзбург и ночью с 4 на 5 января у Лидии Ворониной, незадолго до этого совершившей по поручению Группы поездку по общинам пятидесятников.

Задолго до окончания обысков в сообщении ТАСС для заграницы было заявление, что Ю. Орлов, А. Гинзбург и Л. Алексеева являются агентами НТС, работающими по указанию из Парижа.

Это еще раз подтверждает тот очевидный факт, что работа ТАСС по дезинформации общественности производится в прямом контакте с КГБ. В данном случае маловероятно, чтобы КГБ—ТАСС надеялись на доверчивость мировой общественности, которая только что видела своими глазами обмен политических заключенных Буковского и Корвалана и одновременно читала в советской печати, что никакого обмена не было. Принцип Геббельса — чем дальше от правды, тем больше поверят — в этом случае не сработал.

Цель последней акции ТАСС—КГБ была другой: недвусмысленно показать неприемлемость для советских властей деятельности Группы содействия, *отугнуть* от этой Группы официальные круги на Западе и объявить членов Группы заведомыми

государственными преступниками, бросить тень на предоставляемые Группой информационные материалы.

Это и есть подготовка советского правительства к совещанию в Белграде.

Преследования против членов Группы позволяют предположить, что перспектива использования разоблачительной информации групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР привела советские власти буквально в состояние истерики. Ничем иным нельзя объяснить возврат к методам сталинских времен, прежде всего подбрасывание компрометирующего реквизита, как это было на обысках у членов Украинской группы содействия (Миколу Руденко были подброшены 40 американских долларов, О. Берднику — порнографические открытки, О. Тихому — старая немецкая винтовка) и повторилось в Москве (1000 марок и 100 долларов были подброшены в квартиру А. Гинзбурга). Обыски проходили с вопиющими процессуальными нарушениями. Значительная часть материалов была забрана без внесения в протокол (у Л. Алексеевой) и весь материал — без должного описания, что лишает возможности идентифицировать документы и создает почву для фальсификации изъятых материалов.

2. Мы надеемся, что в данном случае советское правительство плохо рассчитало все возможные последствия своих шагов.

Если даже Запад *предаст* Общественную группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, собирающую информацию о противогуманных нарушениях этих соглашений в СССР, то психологической реакцией на это будет усиление общего недоверия к СССР со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Внутри Советского Союза ликвидация Группы содействия уже не сможет остановить быстро нарастающий процесс развития демократического правосознания. Этот процесс имеет глубокие экономические и политические корни, и мы можем констатировать, что, пытаясь сегодня применить замшелые

сталинские методы провокаций и устрашения, власти *потеряли чувство реальности*.

К документу прилагаются описания обысков и копии протоколов обысков.

1 января 1977 года

*Людмила Алексеева, Александр
Гинзбург, Анатолий Щаранский,
Мальва Ланда, Юрий Орлов*

**Обыск на квартире Ю. Орлова
4 января 1977 года**

Когда пришли с обыском, я и жена были еще не одеты, и они в течение 10-15 минут выломали входную дверь. Впрочем, до взлома двери они не сообщили, зачем пришли. Было 4 сотрудника то ли КГБ, то ли прокуратуры во главе со старшим следователем Тихоновым Александром Ивановичем; кроме того, два понятых и два милиционера.

В постановлении на обыск, подписанном Тихоновым, говорилось: "Для изъятия книг, статей и др. материалов, содержащих заведомо ложные измышления против советского общества и государственного строя".

Вскоре к нам пришел Александр Подрабинек, ставший на следующий день членом Рабочей комиссии Группы содействия, поставившей своей целью расследовать злоупотребления психиатрией в политических целях. *Подрабинек* — фельдшер скорой помощи. Он был обыскан и задержан на все время обыска, но больше никого в квартиру уже не пускали.

Я, жена Ирина и Саша Подрабинек бдительно следили, чтобы никто не смог подложить мне компрометирующих материалов — как это было сделано на Украине. Вероятно, это нервировало Тихонова, он делал чрезвычайно много ошибок и описок в протоколе обыска (протокол приложен, часть описок нами исправлена при перепечатке).

Обыск делали все четверо, фамилии троих (вопреки правилам Уголовно-процессуального кодекса) остались нам не известны.

Обстановка обыска была напряженной, так что в середине дня Тихонов вызвал милицию для увода и задержания Ирины, которая "мешала работать". Милиция приехала, но следователь счел более благоразумным сохранить статус-кво.

Некоторые нарушения были записаны мною и Подрабинком в протоколе (см.), другие отмечу здесь.

Относительно какой-то чепухи, которую реквизирует Тихонов, я спросил, зачем она ему нужна. Он ответил: "Но ведь и вам она не нужна".

Хотя и в гораздо меньшей степени, чем у Александра Гинзбурга и Людмилы Алексеевой, обыск все же напоминал *грабеж*.

Были изъяты не запрещенные даже в СССР "Неизданные письма" Цветаевой и другие художественные книги, "Стадии экономического роста" Ростю и т.д. "Петербург" Андрея Белого, *изданный в СССР*, Тихонов перекладывал из рук в руки минут 15, может быть, он презентует редкие книги, изымаемые на обысках, начальству?

Американские журналы явно были изъяты для собственного чтения: Тихонов знает английский. Конечно, были изъяты пишущая машинка и магнитофонные ленты (с псалмами).

Были изъяты опросные листы с 1100 подписями, собранными среди месхов Азербайджана, желающих восстановить свою грузинскую национальность (7.000 человек с учетом семей); ликвидированы, таким образом, результаты огромной работы по опросу людей.

Отобрано около 200 страниц со сведениями о преследованиях детей религиозных родителей, собранными на территории Украины и Средней Азии.

И т.д.

Была сделана попытка не описывать все документы в протоколе, а только отмечать номера пакетов. Это получилось с пакетом № 1 (в который были помещены извлечения из иностранных газет), но в дальнейшем удалось *заставить* Тихонова хотя бы в общих чертах дать описание содержимого пакетов №№ 2—5. (Полное нарушение УПК было сделано на обыске у

Алексеевой, где содержимое пакетов не описывалось вовсе.)

7 января 1977 года

Ю. Орлов

**Обыск в доме Александра Гинзбурга
4 января 1977 года, гор. Москва**

В 8 час. 45 мин. утра 4 января 1977 года на квартиру Ирины Жолковской, жены Александра Гинзбурга, явились представители прокуратуры и КГБ, всего 7 человек. Обманным путем заставили Жолковскую открыть дверь. Гинзбурга дома не было, он и его друг Ю.В. Мнюх приехали через полчаса после начала обыска. И.С. Жолковской (а затем и А.И. Гинзбургу) было предъявлено постановление на обыск, подписанное ст. следователем прокуратуры Тихоновым А.И. Подписать его они отказались. Затем И.С. Жолковской (а через полчаса и А.И. Гинзбургу) было предложено выдать материалы, содержащие заведомо ложные сведения, порочащие советский общественный и государственный строй. Оба они отказались это сделать. Руководил обыском ст. следователь прокуратуры Боровик. Присутствовали понятые Натанзон А.М. и Гришин С.Д. Четыре остальных обыскивающих нигде не зафиксированы.

В первые 10 минут следователь Боровик сам начал обыск с туалета, настойчиво *требуя*, чтобы Жолковская находилась рядом. Повернувшись к Жолковской и понятому спиной, он открыл дверцу шкафа в уборной, порывшись там (где именно, со спины видно не было) и извлек конверт со сложенными иностранными деньгами (какими именно и в каком количестве, он не показал). Затем он, для порядка пару минут порывшись в шкафу туалета, заглянул в ванную, а затем с конвертом в руках, не заходя ни на кухню, ни в другую комнату, вернувшись в большую комнату, где его ждали остальные обыскивающие.

Это было до приезда Гинзбурга домой. После этого Боровик уже нигде ничего сам непосредственно не искал, он просматривал бумаги и книги и писал протокол. И Жолковскую после этого эпизода немедленно оставили в покое и не просили

ее присутствовать, даже когда вскрывали письменный стол и шкафы. Так в первые десять минут обыска была подложена иностранная валюта (130 долларов и 1400 немецких марок). В дальнейшем в протоколе было записано, что она лежала в тайнике рядом с почтовым конвертом из Америки, подписанным В. Туркиной. Большой конверт из-под книжной бандероли из Америки от друга семьи Гинзбургов Вероники Туркиной, живущей ныне в Нью Йорке, действительно там был. Никакого отношения этот почтовый конверт к подложенному не имел и не мог иметь. Однако в протоколе их записали под одним номером.

В протоколе обыска у Гинзбурга были изъяты номера журналов "Континент", "Вестник РСХД" (в том числе и отдельные перепечатки из этих журналов), "Посев", номера газеты "Русская мысль", "Хроника текущих событий", "Хроника защиты прав в СССР", "Архив хроники", документы Комитета прав человека, "Эмнисти Интернейшнл", документы группы Хельсинки, сочинения Солженицына, Сахарова, Амальрика, Турчина, Орлова, Подъяпольского, Набокова, Конквиста, книги по русской истории, вырезки из советских и иностранных газет (в т.ч. статья из "Известий" — "Колодец с гнилой водой"), религиозная литература, "Бюллетень совета родственников христиан-баптистов", "Братский листок", "Вестник спасения", квитанции на почтовые переводы, бандероли и посылки и записи, с этим связанные, письма заключенных и их родственников (пришедшие по почте), а также просто личная переписка Гинзбургов, фотографии, записные книжки (в т.ч. и чистые машинописные переводы интервью Дж. Картера), картотека, содержащая сведения о советских политзаключенных.

Кроме того, во время обыска были изъяты все деньги, находящиеся в доме. Из них около 300 лежали в отдельной коробке и принадлежали лично семье Гинзбурга (недавно полученная зарплата его и его жены), о чем Жолковская сообщила одному из обыскивающих.

Остальные деньги (всего было изъято около 5 тысяч советских рублей) были предназначены для помощи политзаключенным и их семьям.

Уйдя из дома, обыскивающие оставили в доме (где двое маленьких детей) 38 копеек. Были изъяты сертификаты на сум-

му около 150 рублей, а также все извещения из Внешпосылторгбанка на получение и выдачу переводов из-за границы, а также таможенные лицензии о содержании полученных из-за границы посылок. Все это находилось в письменном столе Гинзбурга в папках. Изъяты также облигации (108 штук), 2 сберегательные книжки на имя Гинзбурга, книжки на имя Солженицына, его жены Натальи и его тещи Е.Ф. Светловой, генеральная доверенность, заверенная в Московской нотариальной конторе от семьи Солженицына на ведение их дел в СССР и свидетельство на право наследства (от тещи Солженицына — Гинзбургу). Все эти документы официально оформлены советскими учреждениями.

Также были отобраны два японских приемника (один — новый "Satellit-2100" прямо с чеком из магазина "Березка"), 3 японских магнитофона и детали к ним, много кассет и портативная пишущая машинка.

Изъяты 4 детские дощечки для рисования, названные в протоколе "клише". Обыск продолжался 19 часов — с 8 час. 45 мин. утра 4 января до 3 час. 40 мин. утра 5 января. Во время обыска в дом не пускали никого, в том числе друзей Гинзбурга, приносивших еду маленьким детям. В конце концов обыскивающие разрешили ставить еду под дверь, а затем кто-нибудь из них, когда друзья уходили, приносил это в квартиру. У жены Гинзбурга во время обыска был тяжелый приступ — "гипертонический криз, осложненный спазмами сосудов мозга", и ночью к ней вызывали скорую помощь. В конце обыска Гинзбург собственноручно записал в протоколе следующее:

"Я протестую против изъятия материалов о нарушении прав человека в СССР как якобы клеветнических.

Я протестую против изъятия денег, денежных и почтовых документов и материальных ценностей, ибо они по своей природе не могут быть ни клеветническими, ни порочащими что-либо. В правовом государстве это называется грабежом.

Я протестую против провокационной затеи с иностранной валютой, которой никогда в этом доме не было.

Я возражаю против недобросовестной и безграмотной описи изъятых, что увеличивает возможность провокаций в дальнейшем.

Я возражаю против того, что в протокол не внесены фами-

лии четырех лиц, непосредственно проводивших обыск.

Эти грабители были в основном вежливы ”.

Подписывать протокол ни Гинзбург, ни Жолковская, ни Мнюх не стали.

Обыск у Л. Алексеевой

Утром 4 января муж ждал своего приятеля, который должен был зайти, как они договорились накануне по телефону, в 8.30. Поэтому, когда раздался звонок в дверь, мы открыли, не спрашивая, кто там. Немедленно в квартиру вслед за визитером ворвались семеро. Потом он рассказывал, что, когда подошел к двери, в коридоре никого не было. Видимо, узнав по нашему прослушиваемому телефону о предстоящем визите, советник юстиции Смирнов и его помощники прятались в помещении для мусоропровода, чтобы появиться в доме неожиданно.

Смирнов предъявил мне постановление об обыске, свои документы и — после некоторого сопротивления — документы своих помощников. В постановлении значилось, что обыск должен быть произведен по распоряжению старшего советника юстиции помощника прокурора г. Москвы Нестерова по делу № 46012/18—76 и вызван этот обыск тем, что у меня дома могут быть обнаружены материалы и документы, содержащие ”заведомо ложные, порочащие советский общественный и государственный строй” измышления. Мне предложили отдать добровольно все такие документы и материалы, но я заявила, что таких у меня нет. Начался обыск.

Обыскивающие оказались хорошо знакомыми с тем, где что у меня находится: без колебаний один из них подошел к бюро и открыл как раз тот ящик, где хранились документы Группы содействия, другой — к шкафчику, где у меня сложен Сам- и Тамиздат, а третий — к секретеру с моими бумагами. Письменный стол, где находятся бумаги мужа, они обошли.

Изымаемые документы складывались на стол, стоящий посреди комнаты. Он оказался сразу заваленным грудой бумаг. Советник Смирнов, пристроившись сбоку за этим столом, начал писать протокол обыска.

Были изъяты все произведения Самиздата и "нехороший" Тамиздат, скажем, седьмой номер "Континента" (до сих пор горюю — и не я одна). Все документы Группы содействия забирали, не просматривая, — они все порочат! Взяли письма политзаключенных и их родственников — ну, тут можно понять: самое существование политзаключенных действительно порочит советский общественный и государственный строй. Только можно ли это исправить изъятием их писем?

Это четвертый обыск в моей жизни, и я по опыту знаю, что препирательства относительно того, что такая-то книга или машинописный текст не содержат ничего "порочающего", совершенно бессмысленны — у нас на этот счет разные представления. Потом разберемся, говорят обыскивающие, и вернем то, что взяли напрасно (на самом деле ничего никогда не возвращают). Но когда среди изымаемых материалов я увидела чистые бланки Группы содействия, я не выдержала обыкновения не связываться с ними понапрасну. Что же может быть порочающего советский общественный и государственный строй в незаполненных бланках?! — Все равно забрали, записав в протокол под номерами 41 и 78, никак не пытаюсь объяснить своих очевидно нелепых действий.

Сначала я пыталась следить, как заполняется протокол. Полагается описывать изъятые документы таким образом, чтобы их легко было идентифицировать. Для этого опись должна содержать первые и последние фразы каждой страницы текста. Смирнов с самого начала не стал соблюдать этого правила. Он записывал так: "Машинописный текст, озаглавленный "Дорогие друзья!", на 4 листах" (№ 31) или "Машинописный текст, озаглавленный "Об образовании общественной группы...", на 14 листах 7 экземпляров" (№ 95) и т. д.

Я указала Смирнову на то, что протокол заполняется с нарушением процессуальных норм, но он не изменил приемов описания. Я начала писать свои замечания по протоколу, но тут пошло такое, что уже невозможно оказалось относиться к происходящему как к обыску, — он перешел в грабеж. Записав 169 названий в протокол, Смирнов собрал оставшиеся бумаги в груды и стал запихивать их в большой конверт, не только не просматривая, но и не описывая. Он объяснил мне, что этот конверт он намерен заклеить в моем присутствии и за-

брат, не описывая. Я заявила категорический протест против такого вопиющего нарушения правил обыска и требовала описать каждый документ. Смирнов молча продолжал наполнять конверт. Тогда я заявила, что в знак протеста удаляюсь из обыскиваемого помещения, и попросила своих близких покинуть комнату вместе со мной. Все, кто присутствовали на обыске — мой муж, моя мать и двое моих друзей, Лидия Воронина и член Группы содействия Анатолий Щаранский (они пришли около 11 утра, их впустили в дом, и они оставались до конца обыска), ушли на кухню, где мы пробыли до ухода обыскивающих. Они оставались в доме еще более часа. За 50 минут до конца обыска ушла одна из понятых. Куда-то уходили и вновь возвращались помощники Смирнова, они вызвали по телефону каких-то людей, и в комнату прошли двое с огромными портфелями. Таким образом, унести что-то из дома без моего ведома и внести в дом можно было все, что угодно.

Когда незваные гости удалились, мы вернулись в комнату и на столе среди обрывков бумаг и груды газет нашли протокол обыска. Я прилагаю копию этого протокола к своему отчету.

Был восьмой час вечера. А. Щаранский позвонил в бюро "Ассошиэйтед пресс", и мы узнали, что два часа назад агентство получило сообщение ТАСС о том, что обыски у руководителя Группы содействия Ю.Ф. Орлова, у Гинзбурга и у меня доказали нашу причастность к НТС, за спиной которого стоят иностранные разведки.

Если бы даже такие материалы были в моем доме, непостижимо, как узнали об этом сотрудники ТАСС и даже сами обыскивающие: ведь я и все присутствующие видели, что они забирали бумаги, не только не читая, но даже не просматривая их. Они отказывались это делать, даже когда я просила их об этом. И вдруг еще до окончания обыска все уже известно и все уже "неопровержимо доказано".

На следующий день на пресс-конференции иностранные корреспонденты задавали вопрос: "Какие материалы НТС были найдены?"

У меня нашли один номер журнала "Посев" за 1972 год. Если этого достаточно, чтобы считать меня агентом НТС, то почему бы не отметить моей тесной связи с ЦК КПСС — мой

дом завален номерами газеты "Правда", получаемой нами ежедневно на протяжении многих лет.

6 января я получила повестку на допрос к следователю прокуратуры Бурцову. Допрос окончился очень быстро, так как я отказалась отвечать на вопросы следователя, во-первых, потому, что дело № 46012/18—76 явно является делом Группы содействия (ни Смирнов, ни следователь вообще не объяснили мне, что это за дело, хотя я на этом настаивала, но постановление об обыске у Орлова и А. Гинзбурга проводились по делу с таким же номером, и у всех нас изъяли *все* документы Группы), а я, будучи ее членом, не могу быть свидетелем по этому делу, и во-вторых, потому, что протокол обыска, произведенного с такими вопиющими процессуальными нарушениями, не может дать представления об изъятых материалах, более того — оставляет широкую возможность для подлогов и фальсификаций.

Меня вызывали еще дважды. Но ни разу следователь не упомянул об НТС и моих "связях" с этой организацией, хотя ставил он вопросы, как сам он мне объяснил, по материалам обыска.

12 января 1977 года

Людмила Алексеева

Обыск у Л. Ворониной

4 января 1977 года в 7 часов вечера, когда я находилась на кухне в квартире Л.М. Алексеевой, куда мы вышли из комнаты, в которой производился обыск без соблюдения законов УПК РСФСР и потому похожий на грабеж, зашел неизвестный мужчина в штатском и предъявил мне постановление на обыск в моей квартире по адресу: Москва, ул. М. Порываевой, д. 38 кв. 45-г. Постановление на обыск, имеющий целью изъятие материалов и документов, "содержащих заведомо ложные, клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй", было подписано Тихоновым. Люди в штатском в количестве восьми человек посадили меня в машину и запретили сопровождать меня А. Щаранскому,

личные письма которого находились у меня в квартире. Почти целый час меня везли от ул. Удальцова на ул. М. Порываевой, хотя ехать на такси ко мне 15 минут. Перед началом обыска, когда еще не прибыли понятые, Пантюхин (так представился один из этих людей) предложил мне добровольно отдать материалы, указанные в постановлении на обыск. На мой вопрос о том, какие именно конкретно книги и документы он имеет в виду, так как я не понимаю, что значит "материалы, порочащие ..." и пр., Пантюхин четко и ясно ответил: "Произведения Солженицына, Сахарова и документы Группы "Хельсинки". — "Все?" — спросила я. "Да," — подтвердил Пантюхин. "Я не считаю, — возразила я, — что именно произведения Солженицына, Сахарова и документы Группы "Хельсинки" являются материалами того характера, которые означены в постановлении на обыск; и вообще я заявляю, что у меня нет никаких клеветнических материалов, а читать все, что я хочу и что мне интересно, и писать все, о чем считаю нужным, имею право, как и каждый советский и несветский человек. И поэтому сам факт обыска с целью изъятия каких угодно книг, газет, писем, документов и пр. считаю незаконным на основании подписанных Советским Союзом соответствующих статей Хельсинкских соглашений". Пантюхин предложил дожидаться понятых, а тем временем стал рассматривать корешки книг на полках. Коржавина "Времена" отложил сразу.

Когда пришли понятые и я попросила их показать документы, Пантюхин сказал, что удовлетворение такого моего требования не предусмотрено процедурой обыска.

Пантюхин предупредил меня, что за время обыска никто не имеет права входить и выходить из квартиры, и приказал следить за этим милиционеру у входной двери. Дважды это правило нарушалось, когда пришел и был впущен и выпущен знакомый соседки и когда пришел, но однако не был выпущен В. Слепак (он был с чемоданом, который очень хотелось обыскать — и обыскали-таки!).

В процессе самого обыска допускались неоднократно нарушения УПК РСФСР, которые также нивелируют его законность.

1. Изымаемые документы описывались Пантюхиным в протоколе так, что их нельзя потом идентифицировать.

2. Изымались материалы, которые не относятся к тем, что указаны в постановлении на обыск:

- а) художественная литература (Булгаков, Коржавин, Цветаева);
- б) газеты ("Наша страна", "Русская мысль", "Трибуна");
- в) обращения граждан в Группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР;
- г) фотоальбом с материалами Института философии АН СССР по проблемам обучения слепо-глухо-немым;
- д) личные письма моих друзей и близких ко мне, а также к хранившему у меня свой личный архив А. Шаранскому, в основном письма его жены из Израиля, присланные по почте и уже прошедшие цензуру, в количестве 438 штук.

3. Изъятие личных писем проводилось без внесения в протокол, причем, когда понятые пересчитывали их (что должно проходить обязательно в моем присутствии), один из обыскивающих дом мужчин предложил мне пройти на кухню, где я должна была свидетельствовать ощупывание им апельсинов в холодильнике.

4. Обыск велся в ночное время (с 8 вечера до 1 часу ночи), хотя ни убийств, ни следов крови и прочих признаков необходимости экстренного обыска не было.

Самое сильное впечатление от этого так называемого обыска состояло в том, что те, кто проводил его, были в высшей степени деловиты и уверенно направлялись именно к тем полкам, где могла лежать "клевета". Ориентация их среди довольно большого количества книг, рукописей и пр. поражала. Первая мысль, которая приходила в голову по этому поводу: они здесь не в первый и не во второй раз.

Учитывая все эти обстоятельства, я категорически отказалась подписать протокол обыска.

9 января 1977 года

Л. Воронина

**Заявление об обыске
на квартире Людмилы Алексеевой
4 января 1977 г.**

4 января 1977 года, придя в 10 часов 45 минут к Людмиле Алексеевой, мы попали на обыск в ее квартире, проводившийся под руководством следователя Московской городской прокуратуры Смирнова. Поскольку мы были задержаны в квартире Л.М. Алексеевой до конца обыска (до 19 часов), то невольно стали свидетелями грубых нарушений процедуры обыска со стороны представителей власти и даже явно противозаконных действий. Наиболее вопиющим нарушением закона, предусматривающего порядок проведения обыска, было решение Смирнова не заносить значительную часть изымаемых документов (около 200) в протокол обыска, а просто запечатать их в конверт и унести. Это было сделано, несмотря на неоднократные требования Л.М. Алексеевой указать в протоколе, какие именно документы изымаются. Такое демонстративное нежелание Смирнова проводить обыск в соответствии с законом вызывает тревогу, так как это указывает на желание властей фальсифицировать результаты обыска. Протестуя против фактического грабежа (как еще можно назвать изъятие силой чужих вещей людьми без каких-либо объяснений и указаний на то, что именно изымается), Людмила Алексеева, ее муж Николай Вильямс и мы — Анатолий Щаранский и Лидия Воронина — отказались быть свидетелями этого обыска и покинули комнату. В течение того времени, когда мы сидели на кухне, а в комнате неизвестно что делалось, те, кто производил обыск, неоднократно звонили по телефону и вызывали каких-то людей. В квартиру несколько раз входили и выходили неизвестные люди с толстыми портфелями. Понятая была отпущена за 50 минут до окончания обыска, хотя, как это и требуется законом, ее подпись стояла на протоколе обыска, подтверждая, что она присутствовала до конца обыска.

Член Группы содействия
выполнению Хельсинкских
соглашений в СССР
9 января 1977 года

*А. Щаранский
Лидия Воронина*

Протокол обыска

г. Москва

4 января

Старший следователь прокуратуры г. Москвы советник юстиции Тихонов в присутствии понятых:

1) Николаева Николая Васильевича, проживающего г. Москва, Набережная М. Горького, д. 36, кв. 76 и

2) Голикова Сергея Владимировича, проживающего г. Москва, Б. Дорогомиловская ул., д. 27, кв. 49 –

на основании своего постановления от 3 января 1977 года, руководствуясь статьями 169-171 УПК РСФСР, произвел обыск в квартире 1, корпус 7 дома 102 по Профсоюзной улице г. Москвы, о чем в соответствии статье 176 УПК РСФСР составил настоящий протокол. Ввиду того что проживающий в указанной квартире гражданин Орлов Юрий Федорович отказался, несмотря на неоднократные требования, открыть входную дверь, она была выломана в присутствии указанных понятых слесарем ЖЭК № 20 Черемушкинского района г. Москвы Бебчик М.А. После этого гражданину Орлову Ю.Ф. и понятым Николаеву Н.В. и Голикову С.В. в соответствии со статьей 169 УПК РСФСР было разъяснено их право присутствовать при всех действиях следователя и делать заявления по поводу этих действий.

Орлову Ю.Ф. в соответствии со статьей 170 УПК РСФСР было предъявлено требование о выдаче материалов, документов и книг, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, на что Орлов ответил, что подобных вещей и предметов, материалов у него нет. Ввиду того что Орлов отказался выполнить указанное требование, в квартире был произведен обыск.

В результате произведенного обыска было обнаружено и изъято:

1. Книга Нина Буковская "Письма матери", издание "Хроника". Нью-Йорк, 1976 г.

2. Книга "Альманах Самиздата" (неподцензурная мысль в СССР), № 2, 1975 г.
3. Книга "Вольное слово. Самиздат. Избранное. Выпуск 19. Попытки заключенных в тюрьмах Грузии", "Посев", 1975 г.
4. Книга В.В. Ростоу "Стадии экономического роста".
5. Книга Lionel Kochan "Russia in Revolution".
6. Книга Г. Подъяпольского "Золотой век".
7. Книга Роже Гароди "Крутой поворот социализма".
8. Книга "All the president's men".
9. Книга Jsaak Dentsehez. "Russia, China, and the west 1953—1966".
10. Книга E.H. Carr "The bolshevik revolution 1917—1923".
11. Книга Andrei Amalrik. "Nose! Nose? Nose? and other plays".
12. Два экземпляра книги "Правовая защита". В.А. Шелков. Правовая защита свободы совести от диктатуры госатеизма." Издание "Верный свидетель".
13. Книга, отпечатанная на пишущей машинке, "Жалобы — протест".
14. Машинописный текст на 22 листах "Две реакции на обращение".
15. Книга "Обращение" (проект с изменениями и дополнениями, предложенными Всесоюзной Церковью верных и свободных АСД).
16. Книга "Единый идеал". Издание "Верный свидетель".
17. Марина Цветаева. "Лебединый стан. Перекоп".
18. Марина Цветаева. "Неизданные письма".
19. Книга. Василий Гроссман. "Все течет..."; издательство "Посев".
20. Книга В. Максимова "Карантин", издательство "Посев".
21. Книга Виктора Франка "Избранные статьи".
22. Книга Евгения Замятина "Сочинения", том 1.
23. Книга "Вестник русского студенческого христианского движения", № 107.
24. Книга "Христианство, атеизм и современность", издательство "Ymca—Press".
25. Книга Andrei Amalrik. "Involuntary journey to Siberia".
26. Книга К. Буржуадемова "Очерки растущей идеологии", издательство "Эхо", 1974 г.

27. Книга "Литературные дела КГБ", издательство "Хроника", Нью Йорк, 1976 г.
28. Книга Андрея Амальрика "Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?"
29. Книга "Вестник русского студенческого христианского движения", № 117.
30. Книга "Детство в тюрьме. Мемуары Петра Якира".
31. Книга Николая Бердяева "Русская идея".
32. Книга Джорджа Орвелла "Памяти Каталонии".
33. Книга Шломо Авинеди "Сионизм как национально-освободительное движение".
34. Книга Евгения Замятина "Лица".
35. Книга Лидии Чуковской "Открытое слово".
36. Книга "The trial of the four".
37. Книга. Яков Шер. "Куда идти".
38. Книга. Осип Черный. "Книга судеб".
39. Книга. "Ташкентский процесс. Суд над десятью представителями крымско-татарского народа" (1 июля – 5 августа 1969 г.)
40. Книга. Андрей Амальрик. "Статьи и письма. 1967–1970 гг."
41. Сборник статей "Из-под глыб".
42. Книга. Гюзель Амальрик. "Воспоминания о моем детстве".
43. Книга "Политический дневник". 1964-1970 гг."
44. Сборник "Хроника защиты прав в СССР", выпуск 2, апрель-май, издательство "Хроника", Нью Йорк, 1973 .
45. Аналогичный сборник, выпуск 10.
46. Аналогичный сборник, выпуск 13.
47. Аналогичный сборник, выпуск 16.
48. Аналогичный сборник, выпуск 16.
49. "Хроника текущих событий", №№ 28, 29, 30, 31.
50. "Хроника текущих событий" № 35.
51. Журнал "Тайм", май, 5, 1975.
52. Журнал "Тайм", февраль, 16, 1976 г.
53. Журнал "Тайм", октябрь, 18, 1976 г.
54. Журнал "Ньюсуик", январь, 7, 1974 г.
55. Журнал "Ньюсуик", февраль, 25, 1974 г.
56. Журнал "Ньюсуик", сентябрь, 8, 1976 г.

57. Журнал "Ньюсуик", сентябрь, 15, 1975 г.
58. Журнал "Ньюсуик", сентябрь, 22, 1975 г.
59. Журнал "Ньюсуик", ноябрь, 24, 1975 г.
60. Журнал "Ньюсуик", декабрь, 1, 1975 г.
61. Журнал "Ньюсуик", январь, 12, 1976 г.
62. Журнал "Ньюсуик", октябрь, 11, 1976 г.
63. Журнал "Index", № 1, 1973 г.
64. Журнал "L' express", 25–31, 1965 г.
65. Журнал "The Economist", 21-27 июня 1975 г.
66. Журнал "Europa", vol 1, № 1.
67. Машинописный текст "О нарушении профессиональных и личных прав ученых" на 6 листах, заканчивающийся словами: "... для научных исследований".
68. Машинописный текст на 40 листах, начинающийся словами: "Андрей Амальрик. Восток – Запад. Диалог, ведущийся в Суздале", заканчивающийся: "Занавес. Июль–Август–Сентябрь 1963 г. Москва".
69. Машинописный текст на 24 листах, начинающийся словами: "Этот очерк предназначен для западного читателя...", заканчивающийся: "... космические корабли и дробит кувалдой водородные ядра. Лариса Богораз."
70. Машинописный текст на 33 листах, начинающийся словами: "Андрей Амальрик. Воззрения госпожи Линды", заканчивающийся: "... Салютуют под барабанную дробь. Занавес. 1975 год. Магадан – Абрамцево".
71. Машинописный текст на 25 листах, начинающийся словами: "Андрей Амальрик. Художники в Москве", заканчивающийся: "... а из своих современников – Дюбуффе".
72. Машинописный текст на 112 листах, начинающийся со слов: "Андрей Амальрик. Норманны и Киевская Русь", заканчивающийся: "... как и вообще с его теорией норманнской колонизации".
73. Машинописный текст на 5 листах, начинающийся словами: "Л. Терновский. Отпущенное слово", заканчивающийся: "Обнимаю тебя. Январь-апрель 76, Твой Л.Т."
74. "Бюллетень совета родственников узников евангельских христиан-баптистов в СССР", №№ 35, 36, 37, г. Москва, 1976 г..
75. Тетрадь в зеленой обложке на 8 листах, начинающаяся словами: "Отобрал 10 наиболее мягких из моих виршей".

76. Лист бумаги с рукописным текстом, начинающимся словами: "А.Д. Сахаров...".
77. Два листа бумаги с рукописным текстом, начинающимся со слов: "Александров Дима. 2577143", заканчивающимся: "38 Андрей Твердохлебов 2976369".
78. Тетрадь в зеленой обложке с рукописным текстом, начинающимся словами: "Пластика о Хр.....", заканчивающимся: "Гриша К-8".
79. Записная книжка в зеленой обложке.
80. Записная книжка в коричневой обложке.
81. Записная книжка в черной обложке.
82. Записная книжка без обложки.
83. Две фотографии неизвестных мужчин.
84. Различные визитные карточки (26 штук).
85. Машинописный текст на одном листе, начинающийся словами: "Об образовании Литовской общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений", заканчивающийся: "Эйтан Финкельштейн. Вильнюс, ул. Леное, 21, дом 10, квартира 10".
86. Машинописный текст на одном листе, начинающийся словами: "Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР", заканчивающийся: "Юрий Орлов. 30 октября 1976 г.".
87. Машинописный текст на 2-х листах, начинающийся словами: "To all scientists of the world", заканчивающийся рукописными словами "Н. Мейман". К тексту подколот лист с фамилиями: "Andrei Sakharov ..." и т.д.
88. Восемь листов рукописного текста, скрепленного скрепкой, начинающегося словами: "Отчет о поездке в Ленинград по делу ЭмилиИ Ильиной", заканчивающегося: "... здорова в этом смысле и сейчас".
89. Рукописный текст на 9 листах, начинающийся словами: "Буд. Европы с точки зр. буд Рос. ..."; заканчивающийся: "(подменил, правда, инф. дезинформацией)".
90. Рукописный текст на 4 листах, начинающийся словами: "1. Введение. Имеет ли отношение к реальности...", заканчивающийся: "7. Интел. и власть".
91. Машинописный текст на 7 листах, начинающийся со слов: "Требование эмиграции по экономическим и политическим при-

чинам со стороны рабочих”, заканчивающийся: ”Приложение 3. Определение Верховного суда РСФСР по делу В.М. Павлова”.

92. Машинописный текст на одном листе, начинающийся словами: ”10 декабря — Международный день прав человека”, заканчивающийся: ”Руководитель Общественной группы .. Ю.Ф. Орлов”.

93. Рукописный текст на одном листе, начинающийся словами: ”3-11-76. Юрий, ...”, заканчивающийся: ”... пошлю Вам в Москве огромный привет. Альфрэд.”

94. 3 экземпляра машинописного текста, начинающегося словами: ”Микола Руденко. К людям доброй воли”, заканчивающегося: ”... фото автора: ”Камни вместо хлеба”. Кирпичи, собранные в моей квартире после ночного погрома 10 ноября 1976 г. (М. Руденко)”. К каждому экземпляру подколота фотокарточка.

95. Машинописный текст на одном листе, начинающийся словами: ”10 декабря — Международный день прав человека”, заканчивающийся рукописной подписью: ”Ю. Орлов. 10 декабря 1976 г.”.

96. Машинописный текст на 2 листах, начинающийся словами: ”1. Если Запад хочет сохранить мир...”, заканчивающийся: ”Она в самой структуре современного тоталитаризма”.

97. 5 скрепленных листов рукописного и машинописного текста, начинающегося со слов: ”16 апреля 1975 года в приемной ЦК КПСС ...”, заканчивающегося: ”О детях: ”Зато след. раз подумают, прежде чем идти жаловаться”.

98. Машинописный текст на 4 листах, начинающийся словами: ”В апреле 1976 года в Омске состоялся суд...”, заканчивающийся: ”А. Гинзбург. 18 мая 1976 года, г. Москва”.

99. Машинописный текст на 12 листах, начинающийся словами: ”Оценка влияния совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в части, касающейся прав человека...”, заканчивающийся: ”... информацией № 1 и № 3, а также по поводу помещения Валентина Мороза.”

100. Машинописный текст на 12 листах, начинающийся словами: ”Репрессии против религиозных семей”, заканчивающийся: ”Ю. Орлов. А. Гинзбург, 17 июня 1976”.

101. Бумажная обложка, на ней рукописная надпись: ”Дубли”. В обложке 117 машинописных листов, первый лист начи-

нается со слов: "Об образовании Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР", 1 группа документов в количестве 7 экз., начинающихся со слов: "Об образовании Общественной группы содействия выполнению...", 7 экземпляров в обложке белого листа бумаги с надписью "Об образовании". В белом листе с надписью "№ 9" — 3 экземпляра "Документа № 9". В белом листе с надписью "Оценочн. доклад" 5 экземпляров текста "Оценка влияния совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе...". В белом листе с надписью "№ 3 без прилож." 8 экземпляров "Документа № 3. Об условиях содержания узников совести".

102. Машинописный текст на 2 листах, начинающийся словами: "В Советскую группу содействия...", заканчивающийся: "С уважением В.Ф. Турчин. 31 июля 1976 г."

103. Машинописный текст на 3 листах, начинающийся словами: "Общественная группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Информация", заканчивающийся: "Юрий Орлов, Виталий Рубин, Анатолий Щаранский, Людмила Алексеева".

104. Машинописный текст на 6 листах, начинающийся словами: "Документ № 4. О разделенных семьях", заканчивающийся: "Михаил Штерн. Узник совести. Два сына. Израиль".

105. 9 скрепленных листов с машинописным и рукописным текстом, начинается со слов: "Докл. № 11", заканчивается: "26. Османов Навруз. Демитраузе Навруз. 5".

106. Рукописный текст на 4 листах, начинающийся словами: "Репрессии против религиозных семей после 2 августа 1975 года", заканчивающийся: "... и издевательства со стороны учительницы".

107. Рукописный текст на 2 листах, начинающийся словами: "Начну прежде всего с главной проблемы современного мира...", заканчивающийся: "... Лицедеи западного мира недооценивают".

108. Рукописный текст на одном листе, начинающийся словами: "Спец. сообщ. о Бернштаме. 12 ноября. Орлов", заканчивающийся: "Турчин. 24/Х-76. № 8".

109. Машинописный текст на одном листе, начинающийся словами: "Специальное сообщение ..."

110. Машинописный текст на одном листе, начинающийся сло-

вами: "Доводим до сведения глав государств...", заканчивающийся: "30/Х-76. П. Григоренко".

111. Машинописный текст на 2 листах, начинающийся словами: "Документ № 9", заканчивается: "... уважение к правам национальных меньшинств".

112. Машинописный текст на 2 листах, начинающийся словами: "Обращение к Верховному Совету СССР и конгрессу США".

113. 4 экземпляра машинописного текста, начинающегося словами: "Украина. Микола Руденко", заканчивающегося: "Николай Вильямс", каждый на одном листе.

114. 2 экземпляра машинописного текста, каждый на одном листе, начинается: "25. Эдуард Федотов, Москва, помещен в психбольницу общего типа ", заканчивается: "32. ..."

115. Рукописный текст на одном листе, начинается словами: "Требование всеобщей политической амнистии в СССР", заканчивается: "7. Заочная. 23. Т. Семенова. 21. Е. Костерина. Л. Воронина 20".

116. Машинописный текст с подписями, начинается со слов: "Мы обращаемся к правительству СССР", заканчивается: "И. Коган".

117. 2 экземпляра машинописного текста, каждый на одном листе, с рукописными подписями, начинается: "К советскому правительству", заканчивается: неразборчиво (один лист), второй лист: "Подрабинек А."

118. Информационно-аналитический бюллетень о правонарушениях в городе Тбилиси за первую декаду октября 1975 г."

119. Машинописный текст на 38 листах, начинается: "Судьба нищих сибаритов", заканчивается: "Конец первой части".

120. Машинописный текст в коричневой папке на 156 листах, с приложением на 36 листах, начинается словами: "Содержание. Предисловие. Вдали от Крымских гор", заканчивается: "14. Белорусские тетради..."

121. Машинописный текст на 234 листах, начинается: "По снегу", заканчивается: "Грузовик, тяжело кряхтя, взбирался на перевал горного хребта".

122. Машинописный текст в синей обложке на 343 листах, начинается словами: "Степан Холостенко. Одно мгновение (роман)", заканчивается: "И воскресенье... 28 сент. 1971 г."

123. Машинописный текст на 141 листе, начинается словами:

”Микола Руденко. Экономические монологи”, заканчивается: ”Кто нам дороже — они или Маркс?”

124. Книга ”Livre Blank sur Internement psychiatrique”.

125. 5 экземпляров ”Бюллетень — Совет родственников узников евангельских христиан-баптистов в СССР”, №№ 23, 25, 29, 30, 31.

126. Ученическая тетрадь в синей обложке, на обложке рукописная запись: ”Отнятие детей”, в тетради списки с фамилиями и адресами.

127. Аналогичная тетрадь, на обложке рукописная надпись: ”Штраф”, в тетради рукописные записи.

128. Аналогичная тетрадь, на обложке рукописная надпись: ”Репрессии”; в тетради рукописные записи фамилий, адресов.

129. Машинописный текст на 7 листах, начинается словами: ”Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Документ № 6. О положении бывших политзаключенных в СССР”, заканчивается: ”Анатолий Щаранский. 1 августа 1976 г.”

130. Машинописный текст на 4 листах, начинается словами: ”Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Документ № 3”, заканчивается: ”Москва июня 1976 г. Анатолий Щаранский”.

131. ”Временная инструкция о порядке наблюдения психически больных, представляющих общественную опасность, и больных наркоманией” на 6 листах.

132. Приказ Генерального Прокурора СССР № 54 от 9 ноября 1972 г.

133. Различные материалы на 163 листах, помещенные в бумажный пакет, опечатанный круглым штампом с подписями понятых (пакет № 1).

134. Различные материалы на 210 листах, помещены в бумажный пакет, опечатанный круглым штампом с подписями понятых (в пакете № 2 материалы С. Холостенко, список непрописанных крымских татар, интервью А. Солженицына, материалы о месхах, переселенных в 1944 году в Среднюю Азию, подписные листы — примерно с 1100 подписями месхов, которые хотят, чтобы их считали грузинами, сборник стихов Андрея Амальрика ”Шествие времен года”, лист с телефонами, начало статьи о Логуше). — Пакет № 2.

135. Различные материалы на 186 листах, помещенные в бумажный пакет № 3. Пакет опечатан тем же штампом с подписями понятых. В пакете материалы: о преследовании православных, пятидесятников, симпозиума "Еврейская культура в СССР" (Москва, 21-23 декабря 1976 г.), о психиатрическом преследовании Кукобаки, Гереля, письмо Войновича министру связи СССР Талызину, документы и переписка Якира с Московским международным почтамтом, материалы (аналогичные) Иванова В.А., статьи и письма А. Амальрика, заявления с просьбами содействовать в выездах из СССР, список политзаключенных, нуждающихся в освобождении по состоянию здоровья, письмо президенту США Дж. Картеру от Ильиной Э.П., список репрессированных по политическим и религиозным мотивам с момента подписания Хельсинкских соглашений, рукопись Юрия Федоровича Орлова "Будущее Европы с точки зрения будущего России" — черновики на 11 листах, документы по делу В.М. Павлова, два обращения об объявлении всеобщей политической амнистии.

136. Различные материалы на 155 листах о якобы имеющих место преследованиях религиозных семей в СССР (помещены в бумажный пакет № 4, пакет опечатан круглым штампом и заверен подписями понятых).

137. 2 экземпляра статьи машинописного текста "Филетические биоритмы и позитивный отбор человека и домашних животных".

138. 21 лист (конверты, открытки, адреса, телефоны от различных лиц).

139. Тетрадь в белой обложке 1945-1975 гг., на обложке запис карандашом "Башкир. АССР".

140. Различные материалы на 152 листах: подборка материалов Группы содействия..., различные предварительные материалы об "отбирании детей", точнее, "попытке", подборка материалов об И. Геле и других заключенных, материалы о якобы употреблении психиатрии в политических целях, письмо М. Руденко. Материалы помещены в пакет № 5, пакет опечатан штампом, заверен подписями.

141. Пишущая машинка марки "Kontinental", № 246873.

В начале обыска в квартире вошел гражданин Подрабинек А.П., 1953 года рождения, уроженец города Москвы, про-

живающий в г. Электростали, проспект Мира, дом 6, квартира 47, у которого в результате обыска изъято:

1. Две записные книжки в красной обложке.

2. Конверт с рукописной надписью "М.Г.П.", в конверте открытка: Галлин, Рагушная площадь, письмо на 2 листах, начинающееся словами: "26 декабря 1976 года. Дорогие Мария Гавриловна, Наташка и все, все друзья!"

3. Большой конверт, в нем 5 писем:

а) начинается: "Саша!", кончается: "Крепко обнимаю и жму руку. Т.П."

б) начинается: "Саша, милый, — здравствуй!", кончается: "... и все — хорошо. Т.П."

в) начинается: "Саша! Считаю, что твоя авантюра провалилась", кончается: "Будь здоров".

г) начинается: "5 ноября. Саша — привет", кончается: "Будь здоров! Т.П."

д) начинается: "Дорогие Софья Васильевна...", кончается: "Храни вас Бог. Ваш П."

Кроме того, у Орлова Ю.Ф. было изъято 8 магнитофонных кассет.

Обыск начат в 11 часов, окончен в 19 часов 20 минут. В процессе обыска от понятых заявлений не поступило.

После прочтения протокола были сделаны следующие исправления, изменения и уточнения:

1. В пункт 113 3-го экземпляра аналогичного машинописного текста, 4-й экземпляр имеет рукописные записи чернилами и карандашом, начинается: "Юрий Вудка", кончается: "Р. Медвед".

2. В пункте 134 следует читать не "начало статьи о Логуше", а "начало записи о Логуше".

После прочтения настоящего протокола гражданин Орлов Ю.Ф. заявил:

1. Обыски у членов общественных групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений являются вопиющим нарушением этих соглашений. Квалификация материалов групп окончательных и предварительных, как *заведомо* антисоветских, есть нарушение Заключительного Акта, Международных пактов о гражданских и политических правах, об экономических, социальных и культурных правах и других, *действующих* на терри-

тории СССР. Борьба официальных советских органов против контроля за выполнением своих собственных международных обязательств бесперспективна, рано или поздно обязательства по правам человека придется выполнять.

2. Если бы советские инакомыслящие так же неряшливо составляли свои информационные документы, как был вначале составлен протокол обыска, они все были бы уже обвинены в заведомо ложных измышлениях: в протоколе были мною замечены многочисленные ошибки.

3. Понятой Николаев, забыв, что он на этом обыске не сотрудник КГБ, сделал замечания моей жене.

4. Понятой Голиков на вопрос, знает ли он, что понятые обязаны присутствовать *во всех* комнатах, где производится обыск, отрицательно помотал головой. В средней комнате в течение получаса обыск производился *без понятых*, пока я не вызвал туда Голикова.

5. Подозреваю, что изъятие художественной литературы (М. Цветаева, Замятин и другие) сделано не без корыстных целей — не у этого именно следователя, но, вероятно, у других лиц.

6. Удивлен изъятием *официальной* инструкции по психиатрии.

4 января 1977 г.

Ю. Орлов

Советником юстиции Тихоновым был допущен, на мой взгляд, ряд процессуальных нарушений.

1. Перед обыском мне не было предложено добровольно выдать имеющие отношение к делу материалы.

2. Я был принудительно задержан в квартире Ю.Ф. Орлова до 21 часа.

3. Изъятые у меня записные книжки и личные письма никоим образом не представляют материал, порочащий советский государственный и общественный строй.

Я протестую против незаконного обыска профессора Ю. Орлова, так как это не соответствует, в частности, принципам, провозглашенным Хельсинкским совещанием.

4 января 1977 г.

Подпись – *Подрабинек*

Протокол прочитан, записан верно.

Старший следователь –

подпись неразборчива

Понятые –

подписи неразборчивы

Подписи Ю. Орлова и А. Подрабиника –

– от подписи отказались.

Старший следователь –

подпись неразборчива

Копию протокола получил –

Орлов

От подписи отказались: (?)...

Старший следователь –

подпись неразборчива

Понятые:

подписи неразборчивы.

Производство обыска
санкционирую
Пом.прокурора г. Москвы
советник юстиции Тихонов
7 февраля 1977 г.

**Постановление
о производстве обыска**

7 февраля 1977 г.

Старший следователь прокуратуры Москвы Пантюхин рассмотрел материалы дела о — № 46012/18—76 и принимая во внимание, что по данным предварительного следствия имеются достаточные основания полагать, что в квартире гр. Мнюх Ю.В. находятся материалы, документы, литература и т.п., содержащие заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, руководствуясь ст. 168 УПУ РСФСР

п о с т а н о в и л

произвести обыск на квартире Мнюх Юрия Владимировича по адресу: ул. Новаторов, 38 корпус 1, кв. 6 для отыскания и изъятия указанных материалов.

Ст. Следователь —

Пантюхин

* * *

Протокол обыска

Москва

7 февраля 1977 г.

Следователь прокуратуры г. Москвы Морозов с участием понятых:

1. Владимирова Александра Иннокентьевича, проживающего г. Москва, 1-й Дмитровский пр., д. 6 корп. 2, кв. 64.

2. Круглова Андрея Евгеньевича, проживающего г. Москва, ул. Фадеева, д. 10, кв.59

в присутствии Панфиловой Нинель Александровны, проживающей по адресу: г. Москва, ул. Новаторов, д. 38 корп. 1 кв. 6

С соблюдением требований ст. ст. 169–111, 176, 177 УПК РСФСР произвел обыск в квартире гр. Мнюх Юрия Владимировича по адресу: г. Москва, ул. Новаторов, корп. 1 кв. 6 с целью отыскания и изъятия материалов, документов, литературы и т.п., содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советское государство и общественный строй.

Вышеперечисленным лицам разъяснены их права при всех действиях следователя и делать заявления по поводу тех или иных действий.

Понятым кроме разъяснены – на основании ст. 186 УПК.

Перед началом обыска следователем было предъявлено постановление об этом от 7 февраля 1977 года, после чего гр. Панфиловой Н.А. было предложено выдать имеющиеся у нее в квартире материалы, документы, литературу и т.п., содержащие заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Она отказалась это сделать.

В связи с этим был произведен обыск в квартире по адресу.....

При обыске обнаружено и изъято:

1. Лист машинописного текста от 7 января 1977 года "Не допустить ликвидации солженицынского фонда", подпись – Юрий Мнюх.

2. 9 листов с машинописным текстом, переложеным копировальной бумагой (8 листов): "Обращение к национальной объединенной партии".

3. Два листа машинописного текста, начинается словами: "Из книги "Враг не достигнет цели".

4. Книга Андрея Амальрика "Статьи и письма 1961-1970 гг.", издательство Амстердам, 1971 год.

5. Тетрадь 7 листов, на обложке надпись: "Пушкинская информация".

6. Записная книжка в светлом переплете.

7. Рукописный текст, начинается словами: "До подачи ..." на 7 листах, там же – машинописный текст на 4 листах.

8. Машинописный текст, начинается словами: "Сан-Францис-

ко – Калифорния, 7 октября”, на 51 листе.

9. Машинописный текст, начинается словами: ”Плейбой 1976 г., ноябрь, т. 23”, на 45 листах.

10. Машинописный текст на иностранном языке начинается словами: (неразборчиво) на 3 листах.

11. Телефонная книжка в вишневом переплете.

12. Квитанции в приеме телеграмм – 12 шт.

13. Листки с записями – 50 штук.

14. Машинописный текст, начинается словами: ”Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР и Комитет ”Свобода Петру Старчику” на 3 листах.

15. Рукописный текст, начинается словами: ”Страдает один член – страдают все члены”, на 8 листах.

16. Рукописный текст, начинается словами: ”Отдайте десятину”, на 7 листах.

17. Рукописный текст, начинается словами: ”В декабре 1973 ...” на одном листе.

18. Тетрадь для записи слов на 20 листах.

19. Рукописный текст, начинается словами: ”Его святости Святейшему Пимену...”, на 1 листе.

20. Рукописный текст, начинается словами: ”Вовка, я пишу перед отлетом...”, на 1 листе.

21. Рукописный текст, начинается словами: ”Дорогая Мальва Ноевна”, на 2 листах.

22. Квитанция 015037 на 1 листе.

23. Книга ”Самосознание”, сборник статей, издательство ”Хроника”, Нью Йорк, 1976 г.

24. Конверт с открыткой.

25. Рукописный текст, начинается словами: ”2 часа допрос...” на 2 листах.

26. Рукописный текст, начинается словами: ”1947 г.р.”, на 1 листе.

27. Книга ”Хроника текущих событий”, выпуск 35, 31 марта 1975 г.

28. Рукописный текст, начинается словами: ”Презид. Верховн. ради...” на 4 листах.

29. Рукописный текст, начинается словами: ”Юра, Неля! Был у нас с 17.30 до 20.00”, на 1 листе.

30. Записная книжка в красном переплете.

31. Записная книжка в коричневом переплете.
32. Двухмесячный билет № 520841.
33. Желтая тетрадь с листами рукописного текста на 42-х листах.
34. Машинописный текст, начинается словами: "Председателю Президиума Верховного Совета ССФР Н.В. Подгорному", подписано 24 января 1977 года — К. Любарский — на 2 листах в 4 экземплярах.
35. Машинописный текст, начинается словами: "Теперь, когда прошло уже более года, ...". Подписано — Илья Левин, на 3 листах, 2 экземпляра.
36. Квитанции в приеме телеграмм — 11 шт.
37. Квитанции в приеме письма — 3 шт.
38. Машинописный текст, начинается словами: "7 января 1977 года — "Не допустить ликвидации Солженицынского фонда", 2 экз., подписано — Юрий Мнух — 2 листа.
39. Машинописный текст, начинается словами: "А. Подрабинек, "Отчет о поездке в Сибирь", на 6 листах.
40. Машинописный текст, начинается словами: "В прокуратуру РСФСР от гр-на Подрабинек А.П.", на 1 листе.
41. Машинописный текст, начинается словами: "Презид. Верховн. Ради Радяньского Союзу", на 2-х листах, в 3 экз.
42. Машинописный текст, начинается словами: "Приложение к Документу № 17 Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР" на 8 листах, 2 экз.
43. Рукописный текст, начинается словами: "10 декабря — день прав человека" на 1 листе.
44. Конверты письма — 10 штук.
45. Машинописный текст, начинается словами: "Последнее слово", заканчивается: "30 декабря 1976 г., Ленинград", на 2-х листах.
46. Машинописный текст, начинается словами: "В измене не повинен...", подписан 7 января 1977 года — Татьяна Ходорович, Виктор Некипелов", — на 9 листах.
48. Полиэтиленовый мешок с тетрадями, на которых имеется рукописный текст всего на 224 листах.
49. Две фотографии.
50. Записная книжка с красным переплетом.
51. Записная книжка в сером переплете.

52. Машинописный текст, переплетенный "Ученое безумие и наука библии", на 205 страницах.
53. Брошюра Аломо Азинера "Сионизм как национально-освободительное движение".
54. Машинописный текст, начинается словами: "Теперь, когда прошло уже более года...", подписано – Илья Левин – на 3-х листах.
55. Машинописный текст, начинается словами: "Владимир Борисов – жертва психиатрических репрессий", на 2 листах.
56. Брошюра "Сила духа" № 5, на 36 страницах.
57. Приговор именем РСФСР: Дело по обвинению Гродецкого Ю.Л. и др., на 7 листах.
58. Машинописный текст, начинается словами: "Жалоба Генеральному прокурору СССР от И.Д. Левина", на 8 листах.
59. Сообщение прокуратуры г. Ленинграда гр-ну Левину И.Д. на 1 листе.
60. Машинописный текст, начинается словами: "Документ № 17", подписан 14 января 1977 г. – Людмила Алексеева и др. на 4 листах.
61. Материалы и заявления Бабича на 12 листах.
62. Машинописный текст, начинается словами: "Декларацию подписали ...", на 2 листах.
63. Машинописный текст на иностранном языке, начинается словами: "Dear mister Editor", на 3 листах.
64. Машинописный текст, начинается словами: "Заявление для печати", на 2 листах.
65. Машинописный текст, начинается словами: "Курнель Александр Брунович", на 6 листах.
66. Рукописный текст, начинается словами: "Мой сын Александр Сергиенко", подписано 14 января 1977 года – Мешко Оксана – на 3 листах.
67. Машинописный текст, начинается словами: "Представителю Группы содействия выполнения Хельсинкского соглашения Орлову Юрию Федоровичу", на 29 листах, 3 экземпляра.
68. Машинописный текст, начинается словами: "Группа содействия", заканчивается: "Горченко Сергей, 31 января 1977 года".
69. Протокол обыска от 21 января 1977 г. ст. Елизаветинская, на 1 листе.

70. Протокол обыска от 21 января 1977 г. у Маслова И.Т., на 6 листах.
71. Протокол обыска от 21 января 1977 г. у Трофимец Г.В., на 7 листах.
72. Протокол обыска от 21 января 1977 г. у Сыч, на 10 листах.
73. Повестка — 2 штуки.
74. Протокол описи имущества от 21 января 1977 г. у гр. Сыч, на 1 листе.
75. Протокол обыска от 21 января 1977 г. у гр. Михель П.А., на 7 листах.
76. Рукописный текст, начинается словами: "Ко всем служащим...", заканчивается: "Комитет защиты прав человека Армении. Э.Б. Арутюнян", на 2 листах.
77. Машинописный текст, начинается словами: "Заявление...", подписи: "Л. Алексеева ище (! так в тексте), 6 подписей на 1 листе.
78. Машинописный текст: "Заявление для прессы", подписано — Ирина Каплун — на 1 листе, 2 экземпляра.
78. Машинописный текст (черновики, наброски), на 18 листах.
79. Машинописный текст: "Хроника текущих событий", выпуск № 42 от 8 октября 1976 г., на 84 листах.
80. Машинописный текст, начинается словами: "В Президиум Верховного Совета СССР", заканчивается: "... из достоверных сообщений... М. Ланда", на 6 листах.
81. Копии заявлений на 26 листах.
82. Рукописный текст.
83. Конверт с листами рукописного и машинописного текста, на 54 листах.
84. Машинописный текст, начинается словами: "Женева, 7-го октября 1976 года. Уважаемая Мальва Ноевна...", заканчивается: "537 west, 12-th Street, New York", на 4 листах.
85. Машинописный текст, начинается словами: "Документ № 17", заканчивается: "... В дальнейшем мы постараемся уточнить и дополнить его", на 5 листах.
86. 4 металлических коробки с киношпенками.
87. Деньги в советских купюрах:
а) 100 рублей — 1 купюра;

- б) 50 рублей – 3 купюры;
- в) 25 рублей – 122 купюры;
- г) 10 рублей – 6 купюр. Всего на сумму три тысячи триста шестьдесят рублей.

88. Сертификаты:

- а) 10 рублей – 1 штука;
- б) 1 копейка – 8 штук;
- в) 2 копейки – 21 штука;
- г) 5 копеек – 48 штук;
- д) 10 копеек – 37 штук;
- е) 25 копеек – 9 штук;
- ж) 50 копеек – 10 штук.

89. Кассеты с магнитофонной пленкой – 18 штук.

90. Машинка пишущая "Москва" с латинским шрифтом, заводской № 15930.

91. Машинка пишущая "Эрика", заводской № 4594691 с футляром.

92. Копировальная бумага черная – 1 пачка.

Во время обыска в квартиру б дом 38 корпус 1 по ул. Новаторов пришла гр-ка Мальва Нойевна Ланда, проживающая в г. Красногорске, по ул. Чайковского, дом

У гражданки Ланда М.Н. в результате личного обыска было изъято:

1. Квитанции о приеме телеграмм в количестве 6 штук.
2. 6 листов с рукописным текстом.

Заявлений и замечаний со стороны понятых не поступило.

Со стороны присутствующей Панфиловой Нинель Александровны поступило следующее заявление:

Я, Панфилова Н.А., выражаю свой протест против изъятия при обыске у нас на квартире личных денег около 3 тыс. рублей, магнитофонных лент с английскими уроками, пишущей машинки "Москва" с латинским шрифтом, кинолент с научным мультфильмом моего мужа Ю.В. Мнюха, взятые как клеветнические и порочащие советский строй, а также формой протокола.

В протоколе обыска записан один человек, в то время как обыск вели не менее 4 человек. Протокол обыска составлен не-

допустимо, т.к. изъятые документы невозможно идентифицировать.

Поняты фактически помогали обыскивать и поддерживали их незаконные действия. Ланда М.Н., присутствовавшая в квартире во время обыска, не имела возможности сделать в протоколе свои замечания. Я отказалась присутствовать при обыске, и обыск фактически шел без меня.

Недопустимым грабежом считаю изъятие личных денег моих и мужа, а также хранившихся у нас денег Мальвы Ноевны.

Панфилова

7 февраля 1977 года

Обыск закончен в 22 часа 35 минут. По окончании обыска изъятые документы и другие материалы упакованы в мешки, которые затем опечатаны печатью следователя за № 3582.

Протокол зачитан вслух, записан верно.

(Две неразборчивых подписи)

Следователь—

подпись

ОБ УЗНИКАХ СОВЕСТИ, НУЖДАЮЩИХСЯ В СРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ ПО СОСТОЯНИЮ ЗДОРОВЬЯ

Чрезвычайно тяжелые условия содержания в советских тюрьмах и лагерях разрушают здоровье заключенных, вызывают обострение имевшихся до ареста и развитие новых болезней*. Почти все, перенесшие заключение, страдают язвой желудка, болезнями печени, почек, воспалением кишек (парапрактит), сердечно-сосудистыми и другими заболеваниями.

Наиболее ужасны условия жизни в тюрьмах и в лагерях особого режима, где заключенные постоянно находятся на камерном содержании, — в тесных, сырых, плохо вентилируемых и плохо освещенных камерах, почти без свежего воздуха и дневного света, что еще более усугубляет разрушительное действие скудного недоброкачественного питания. Губительное действие на здоровье оказывает также изнурительный принудительный труд, вредные виды работ, которые нередко вынуждены выполнять заключенные, часто в неподходящих помещениях, без соблюдения техники безопасности и охраны труда.

Очень сильно разрушают здоровье дополнительные наказания, которым подвергается каждый не "вставший на путь исправления" узник совести: перевод в "помещение камерного типа" (ПКТ) внутрилагерной тюрьмы; "строгий режим" и "режим пониженного питания" в тюрьме; наказание карцером (или штрафным изолятором — ШИЗО), представляющим собой комплексную пытку голодом, холодом, отсутствием сна и т. д.

Заключенные практически лишены возможности нормальной сексуальной жизни: в лагере строгого и особого режима разрешается не более одного личного свидания в год (срок свидания 1-3 суток, по усмотрению начальства), только с близки-

* Об условиях содержания в советских тюрьмах и лагерях особого и строгого режима см. подробно в документе № 3 Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

ми родственниками; с незарегистрированной женой свидание обычно не дается; "право" на свидание может быть отнято в качестве наказания. В тюрьме личные свидания не положены.

Медицинская помощь ограничена режимными условиями исправительно-трудовых учреждений и условиями дополнительных наказаний (как правило, даже тяжело больные не освобождаются от наказания вплоть до карцера). Медицинские работники названных учреждений являются сотрудниками МВД и согласуют свою деятельность прежде всего с установками и задачами карательно-"исправительных" органов — МВД и КГБ.

Например, в 1975-76 годах неоднократно водворяли в карцер на длительные сроки узника совести Якова Сусленского, страдающего нарушениями сердечно-сосудистой деятельности; даже после тяжелого сердечного приступа его не перевели из карцера; в марте 1976 г. у него после выхода из карцера был церебрально-сосудистый криз. Водворяют в карцер и парализованного заключенного Платошина (?) — вносят туда на носилках!

Врач Медуправления МВД СССР весной 1976 г. разъяснил матери политзаключенного Владимирской тюрьмы А. Сергиенко, больного туберкулезом, что изменить, облегчить режим содержания — не во власти врачей; если Сергиенко "нарушил порядок" и его сажают в карцер, — это врачей не касается, они — "только лечат"; в дела администрации врачи не вмешиваются. Александра Сергиенко с мая 1975 по апрель 1976 года четыре раза водворяли в карцер, где он провел в общей сложности около 50 суток (наказывали за то, что Сергиенко писал жалобы о нарушениях законности, произволе и издевательствах над другими заключенными). Кроме того, за отказ от принудительного труда во Владимирской тюрьме Сергиенко в течение месяца находился на "режиме пониженного питания" и около полугода — на "строгом режиме", также сопряженном с сокращением нормы питания и длительности прогулки (на "общем режиме" прогулка — 1 час в сутки, на "строгом" — 1/2 часа в сутки; из карцера на прогулку не выводят).

Зачастую больные узники совести оказываются лишенными медицинской помощи, даже если они в ней остро нуждаются. Заболев, они далеко не всегда получают освобождение от работы и лишь в редких случаях попадают в больницу (имеется в виду

лагерная или тюремная больница; режим — камерный, санитарные условия — плохие, однако питание гораздо лучше обычно). В санчасти и в больнице часто отсутствуют многие необходимые лекарства, даже такие, которые имеются "на воле" в каждой аптеке, не говоря уже о дефицитных лекарствах. Попытки родственников и друзей передать нужные лекарства в подавляющем большинстве случаев оказываются безрезультатными: и администрация, и врачи отказываются их принимать.

Многие узники совести обращались к советскому правительству, к руководителям КПСС с просьбами и требованиями — допустить в советские исправительно-трудовые учреждения представителей Международного Красного Креста, которые *ни разу* не посетили советские лагеря и тюрьмы (хотя даже в гитлеровские лагеря им был доступ).

Рассматривая обмен политзаключенных Буковского и Корвалана, произведенный правительствами Чили и СССР, как первый шаг к освобождению всех политзаключенных — узников совести, мы полагаем, что из гуманных соображений в первую очередь должны быть освобождены тяжело больные.

Эта мера не противоречит советским законам. Статья 100 Исправительно-трудового кодекса РСФСР и соответствующие статьи кодексов союзных республик предусматривают, что осужденный, заболевший психической или иной тяжелой болезнью, препятствующей дальнейшему отбыванию наказания в виде лишения свободы, может быть освобожден до окончания срока, назначенного приговором суда. Статья 362 УКП РСФСР определяет порядок такого освобождения: медицинская комиссия дает заключение о состоянии здоровья осужденного, администрация по рекомендации этой комиссии передает дело в местный суд, и суд выносит решение о досрочном освобождении. Эту процедуру заключенные называют активированием или комиссовкой.

Однако практически активируют лишь тех, дни жизни которых уже сочтены.

Так, матери упоминавшегося уже в этом документе Александра Сергиенко, обратившейся в Медуправление МВД СССР с просьбой об активировании сына, разъяснили, что активируют только "носилочных" больных (т. е. таких, которые уже не в состоянии передвигаться самостоятельно), да и то с трудностями.

Это соответствует и нашим сведениям. Например, политзаключенного Михаила Дяка, заболевшего лимфогрануломатозом, не освобождали в течение трех лет после установления диагноза; от Дяка добивались, чтобы он признал деяния, за которые его лишили свободы, преступными и просил помилования; отказ активировать Дяка обосновывали также тем, что он — "не встал на путь исправления". Лишь тогда, когда Михаил Дяк был уже в крайне тяжелом состоянии и опасались, что он вот-вот умрет, его все-таки комиссовали. Через год после этого он умер...

В приложении к этому документу мы даем список политзаключенных, которые, как нам известно, тяжело больны (и должны были бы быть активированы согласно статье 100 Исправительно-трудового кодекса РСФСР). К сожалению, наш список далеко не полон, и не всегда в нем указаны все недуги, мучающие каждого из них. Это объясняется не только трудностями сбора такой информации (тюремная и лагерная цензура часто не пропускает писем, в которых содержатся жалобы на состояние здоровья. Зачастую больные не знают диагноза болезни, которой они страдают: в одних случаях диагноз просто не поставлен, не проведено необходимое обследование и т. п., в других случаях — диагноз не сообщен больному). Обширный материал, собранный нами, погиб во время пожара на квартире М. Ланда и был изъят на обысках у Ю. Орлова, А. Гизбурга, Л. Алексеевой. Мы включили в список сведения, которые нам удалось сохранить или восстановить. В дальнейшем мы постараемся уточнить и дополнить его.

14 января 1977 г.

*Людмила Алексеева, Александр Гизбург, Мальва Ланда,
Юрий Орлов, Анатолий Щаранский.*

*Приложение к документу № 17 Группы содействия выполнению
Хельсинкских соглашений в СССР.*

Владимирская тюрьма, особый режим

Василий Федоренко (1928 г. рожд., в заключении около

10-12 лет, последний арест — осенью 1974 г., срок окончания наказания — 1987 г.) — крайнее истощение, явления паралича. В. Федоренко более года держит голодовку, настаивая на незаконности своего осуждения и требуя освобождения.

Трофим Шинкарук (1931 г. рождения, в заключении 27 лет, срок окончания наказания — 1984 г.) — здоровье сильно подорвано, подробности неизвестны.

Юрий Шухевич (1933 г. рожд., в заключении 25 лет, последний арест — 1972 г., срок окончания наказания — 1987 г.) — язвенная болезнь — язва желудка, тяжелая форма.

Владимирская тюрьма, строгий режим

Зиновий Антонюк (в заключении с 1972 г., срок окончания наказания — 1984 г.) — хроническое заболевание почек, цирроз печени.

Владимир Балахонов (в заключении с 1973 г., срок окончания наказания — 1985 г.) — тяжелое хроническое желудочно-кишечное заболевание.

Николай Будулак-Шарыгин (в заключении с 1968 г., срок окончания наказания — 1978 г.; в конце 1976 г. переведен из Владимирской тюрьмы, где отбыл три года, обратно в лагерь) — гипертоническая болезнь, сердечная недостаточность. Имел инвалидность, последняя снята осенью 1975 г. за то, что обратился с заявлением, — просил разрешения быть обследованным английскими врачами (Шарыгин 20 лет прожил в Англии, считает себя гражданином Великобритании).

Георгий Давыдов (1941 г. рожд., в заключении с 1972 г., срок окончания наказания — 1929 г.) — врожденный порок сердца, бронхиальная астма (?).

Габриэль Суперфин (в заключении с 1973 г., срок окончания наказания — 1979 г.) — парапрактит (геморрой?), гастрит, колит (летом 1976 г. в условиях "строгого режима" и режима "пониженного питания" было недержание кала), заболевание печени (началось летом 1976 г., сильные боли), цистит (начался в 1974-75 гг. в уральском лагере), хронический аппендицит, хронический тонзиллит, ревмокардит (?).

Лейб Хнох (в заключении с 1970 г., срок окончания наказания — 1980 г.) — тяжелый геморрой с частыми и сильными кровотечениями.

Баграт Шахвердян (в заключении с 1973 г., срок окончания наказания – 1978 г.) – грыжа, ...

Лагерь особого режима (Мордовская АССР, учреждение ЖХ-385/1)

Иван Гель (в заключении 8 лет, последний арест в 1972 г., срок окончания наказания – 1984 г.) – органическое заболевание сердечно-сосудистой системы, постоянные мучительные головные боли (по мнению лагерного врача, – на почве недостаточного питания клеток головного мозга). Несмотря на крайне тяжелое состояние, не освобождали от работы. С мая по сентябрь 1976 г. около 3,5 месяцев держал голодовку, в числе требований которой – доброкачественная пища, добросовестное и квалифицированное медицинское обследование, допустить в лагерь представителей Международного Красного Креста.

Святослав Караванский (в заключении 28 лет, последний арест в 1965 г., срок окончания наказания – 1979 г.) – гипертоническая болезнь, нарушение сердечной деятельности, головные боли. Последний год освобожден от обязанности работать по состоянию здоровья (заключенные этого лагеря работают в крайне тяжелых и вредных условиях).

Эдуард Кузнецов (в заключении более 12 лет, последний арест в 1970 г., срок окончания наказания – 1985 г.) – язвенная болезнь – язва желудка, недавно перенес сильное обострение.

Валентин Мороз (в заключении 11 лет, последний арест в 1970 г., срок окончания наказания – 1984 г.) – болезнь печени, общее сильное истощение. До апреля 1976 г. находился во Владимирской тюрьме; с июля по ноябрь 1976 г. держал голодовку, требуя перевода из тюрьмы в лагерь или хотя бы из одиночной камеры; в январе 76 г. его 15 суток держали в камере.

Алексей Мурженко (1942 г. рожд., в заключении 12 лет, последний арест в 1970 г., срок окончания наказания – 1984 г.) – экзема, паховые грыжи (одна недавно оперирована), хронический гастрит, сильная стенокардия. Нуждается в клиническом обследовании.

Михаил Осадчий (в заключении 7 лет, последний арест в

1972 г., срок окончания наказания — 1985 ?) — известно, что здоровье сильно подорвано, но конкретные сведения утрачены.

Юрий Федоров (в заключении 9 лет, последний арест в 1970 г., срок окончания наказания — 1985 г.) — хронический нефрит, хронический холецистит, очаговый туберкулезный процесс в легких, артрит коленного сустава.

Женский политлагерь строгого режима (Мордовская АССР, учреждение ЖХ 385/3-4)

Оксана Попович (в заключении не менее 10 лет, последний арест в 1974 г., срок окончания наказания — 1981 г.) — инвалид, передвигается на костылях.

Ирина Стасив-Калинец (1940 г. рождения, в заключении с 1972 г., срок окончания наказания — 1981 г.) — тяжелое недиагностированное заболевание почек, астеническое состояние, сильное общее истощение, гипотония, частые изнурительные маточные кровотечения.

Ирина Сеник (в заключении 15 лет, последний арест в 1972 г., срок окончания наказания — 1981 г.) — тяжелое повреждение позвоночника, полученное во время первого "исправительного" срока; инвалид, нуждается в разгрузочно-корректирующем корсете (начальство не дает разрешения на получение корсета); гипертоническая болезнь. Весной 1976 г. в состоянии, близком к гипертоническому кризу, была отправлена в карцер на 15 суток, освобождена из карцера на 4-е сутки в связи с гипертоническим кризом, отправлена обратно в лагерь.

Стефания Шабатура (в заключении с 1972 г., 12 января окончился 5-летний срок заключения в лагере, осталось 3 года ссылки, этапирована в ссылку в Красноярский край). До ареста была практически здорова, сейчас — тяжелое недиагностированное желудочное заболевание: сильные боли в области поджелудочной железы, желудка и в области поясницы, слабость, истощение. Нуждается в клиническом обследовании. Большую часть времени заключения в лагере Шабатуру держали во внутрилагерной тюрьме, часто на карцерной норме питания, а также в карцере. Медицинскую помощь не оказывали или оказывали нарочито недобросовестно; протестуя против, этого С. Шабату-

ра заявила об отказе от медицинской помощи на время пребывания в лагере.

Все женщины-заключенные страдают длительными изнурительными маточными кровотечениями.

Лагеря строгого режима в Мордовской АССР (учреждение ЖХ 385)

Паруйр Айрикян (1949 г. рожд., в заключении 8 лет, последний арест в 1974 г., срок окончания наказания — 1980 г.) — тяжелый хронический холецистит (или цирроз печени?), экзема, постоянные сильные головные боли.

Василий Лисовой (в заключении с 1972 г., срок окончания наказания — 1984 г.) — хронический гепатит, хронический колит, хронический гайморит, нейродермит, врожденный порок сердца, ревматизм.

Маркосян (1950 г. рожд., в заключении с 1974 г., срок окончания наказания — 1984 г.) — язвенная болезнь — язва желудка, неоднократно по этому поводу госпитализировался в лагерьную больницу.

Владимир Осипов (в заключении 9 лет, последний арест в 1974 г., срок окончания наказания — 1982 г.) — известно, что здоровье сильно подорвано, но конкретные сведения утеряны.

Петр Сартаков (1917 г. рожд.) — гипертоническая болезнь 2-й степени, холецистит, гиперацидный гастрит, язвенная болезнь — язва двенадцатиперстной кишки.

Сергей Солдатов (в заключении с 1974 г., срок окончания наказания — 1980 г.) — больные почки (дома лечился травами, в лагере состояние резко ухудшилось, появились сильные отеки), гипертоническая болезнь, стенокардия, боли в позвоночнике (после операции удаления опухоли на спине. Операция произведена уже после ареста, в следственной тюрьме, по-видимому, неудачно). Солдатов нуждается в стационарном обследовании.

Людовицас Симутис (1935 г. рожд., в заключении с 1954 г., срок окончания наказания — 1979 г.) — туберкулез позвоночника, несколько лет провел в гипсовом панцире ("кроватьке"). Еще в 1958 г. медкомиссия ставила вопрос об его активировании. Недавно с Симутиса сняли инвалидность (?!).

Василий Стус (в заключении с 1972 г., по отбытии 5-летнего срока лишения свободы в лагере, в январе 1977 г., этапирован в ссылку; срок окончания наказания — 1979 г.) — язвенная болезнь желудка в очень тяжелой форме, с частыми рвотами, кровотечениями; в конце концов в конце 1975 г. была сделана операция — состояние после резекции желудка вплоть до настоящего времени очень тяжелое. Гипертоническая болезнь. Несмотря на крайне тяжелое состояние, подвергался наказаниям, в том числе летом 1976 года дважды водворялся в карцер на длительные сроки.

Юрий Храмов (в заключении с 1953 г. По словам Ю. Храмова, он был американским шпионом). Ранение головы и ноги (хромает). Инвалид 2-й группы. Общее тяжелое состояние здоровья. Несмотря на это, принуждают работать; когда не может работать, — водворяют (ташат) в карцер; в 1976 г. не менее двух раз был в карцере.

Вячеслав Черновол (в заключении около 7 лет, последний арест в 1972 г., срок окончания наказания — 1984 г.) — гипертоническая болезнь, тяжелые головные боли, артрозоартрит плечевого сустава (рука нуждается в покое, но Черновол вынужден работать на швейной машине), хронический фарингит.

Лагеря строгого режима на Урале, Пермская область (учреждение ВС-389)

Дмитрий Басараб (в заключении с 1953 г., срок окончания наказания — 1978 г.) — гипертоническая болезнь 3-й степени, атеросклероз, кардиосклероз, аневризма миокарда, дважды перенес инфаркт, ишемическая болезнь сердца. Имеет 2-ю группу инвалидности.

Гимпу — инвалид 2-й группы. Гиперацидный гастрит, возможно, новообразование рака желудка (?), нулевая кислотность. В разрешении получить из дому желудочный сок — начальник лагеря отказал. Нуждается в обследовании.

Степан Сапеляк (1950 г. рожд., в заключении с 1973 г., срок окончания наказания — 1978 или 1980?) — юношеская тяжелая гипертония, сильные головные боли, крайнее истощение. Летом 1976 г. этапирован из лагеря № 36 во Владимирскую тюрьму, однако сведения о том, что он во Владимире, отсутствуют.

С весны 1975 г. и вплоть до лета 1976 г. подвергался жестоким преследованиям и наказаниям, с лета 1976 г. до отправки из лагеря большую часть времени его держали в карцере и в ПКТ (от Сапеляка требовали дачи ложных показаний, отречения от убеждений и т. п.).

Сергей Ковалев (в заключении с конца 1974 г., срок окончания наказания — 1984 г.) — тяжелая форма геморроя с сильными кровотечениями, выпадение слизистой; недавно появились полипы прямой кишки. Срочно нуждается в клиническом обследовании и операции. В марте 1976 г. Ковалев находился в карцере 17 суток подряд, в мае-июне — 10 суток. Протестуя против противозаконных наказаний и антигуманного обращения, держал в карцере голодовки. В карцере имели место сильные кровотечения, выпадение слизистой... Работает во вредном цеху, изнурительная работа.

Валерий Марченко (1947 г. рожд., в заключении с 1973 г., срок окончания наказания — 1982 г.) — тяжелая форма хронического нефрита, сильное истощение (дистрофия). Марченко работает на пошиве мешков, за невыполнение нормы выработки подвергается наказаниям (часто лишают ларька и др.).

Иосиф Менделевич (1947 г. рожд., в заключении с 1970 г., срок окончания наказания — 1983 г.) — гипертоническая болезнь, стенокардия. (За все время заключения ни разу не подвергался медицинскому обследованию.)

Василий Пидгородецкий (в заключении с 1951 г., срок окончания наказания — 1981 г.) — имел инвалидность; осенью 1974 г. лишен инвалидности — за "отрицательное влияние на окружающих". Очень большое сердце. Несмотря на это, периодически подвергается наказаниям, в том числе — карцером.

Размик Зограбян (1950 г. рожд., в заключении с 1974 г., срок окончания наказания — 1984 г.) — большой позвоночник, нарушение сердечной деятельности, истощение. За отказ работать токарем (он настаивал на том, чтобы ему дали возможность работать слесарем) в октябре-декабре 1975 г. Зограбяна держали в карцере в общей сложности 45 суток; с января по май 1976 г. — 5 месяцев в ПКТ, часть времени на карцерной норме питания или даже только на фунте хлеба и воде. В июне ему наконец разрешили работать слесарем. У него были частые обмороки.

Евгений Пронюк (1942 г. рождения, в заключении с 1972 г., срок окончания наказания — 1984 г.) — туберкулез, активно прогрессирует, кровохарканье. В конце 1976 г. около 4-х месяцев находился в лагерьной больнице, состояние не улучшилось. Выделяются ли палочки Коха, нам не известно. Еще до ареста состоял на учете в туберкулезном диспансере; активный процесс в легких был приостановлен операцией (вырезана часть легкого); сейчас процесс активизировался, перешел на другое легкое.

Александр Сергиенко (в заключении с 1972 г., срок окончания наказания — 1982 г.) — туберкулез легких, в настоящее время, возможно, диссеминированный. Состоял на учете в туберкулезном диспансере с 1951 г. Сергиенко с декабря 1973 г. по декабрь 1976 г. находился во Владимирской тюрьме; в декабре этапирован, очевидно, обратно в лагерь, в котором находился до Владимира.

Иван Светличный (в заключении с 1972 г., срок окончания наказания — 1984 г.) — церебральная гипертония, ангиоспазмы, периодические церебрально-сосудистые кризы. Постоянные очень сильные головные боли, часто резкие выпадения памяти, невозможность сосредоточить внимание. Инвалид третьей группы — нет пальцев на правой руке. Несмотря на все это, — не освобожден от работы. С лета-осени 1976 г. его принуждают к тяжелой работе на прессе, в цеху, где шум и грохот...

**Осужденные по политическим мотивам
по сфальсифицированным обвинениям,
находящиеся в различных уголовных лагерях**

Владимир Архангельский (в заключении с лета 1975 г., срок лишения свободы — 2,5 года) — больные почки, язвенная болезнь желудка, 7 января 1977 г. — резекция желудка. Во время этапа был избит (уголовниками), отбили легкие, после этого перенес воспаление легких.

Мустафа Джемилев (отбыл в заключении в общей сложности ... лет, срок окончания последнего наказания — начало 1978 г.) — постепенная атрофия печени и почек, дистрофия, малокровие, выпадение зубов, нарушение движения челюстных суставов — критическое состояние в результате длительной

(более 10 месяцев...) голодовки, которую Джемилев держал в 1975-76 гг.

Александр Фельдман (в заключении с осени 1973 г., срок окончания – апрель 1977 г.) – хронический холецистит, небинкулярное зрение (видит только одним глазом), инвалидность 3-й группы. После ранения головы – заключенный-уголовник ударил Фельдмана лопатой по голове в марте 1976 г. – сильные головные боли. Фельдман многократно подвергался наказаниям ПКТ и карцером, не раз его жестоко избивали заключенные-уголовники.

Михаил Штерн (в заключении с 1974 г., срок лишения свободы – 8 лет. Штерну 60 или 59 лет) – хроническое заболевание почек, обострившееся в лагере, постоянные сердечно-сосудистые недомогания.

Политические ссыльные

Владимир Гандзюк (около 50 лет, около 12 лет отбыл в заключении, с января 1976 г. после длительного мучительного этапа находится в ссылке в Томской обл.). Туберкулез позвоночника и суставов, деформирующий остеохондроз. Инвалид.

Павел Кампов (около 50 лет, отбыл 6 лет в политлагере строгого режима, в ссылку этапирован в июне 1976 г., срок – 2 года) – туберкулез легких, атрофия зрительных нервов – угрожает слепота!!, сердечная недостаточность. Не может работать и не имеет средств к существованию). Кампов – математик, кандидат ф.-м. наук, до ареста работал преподавателем – по специальности работать не дают из "политических соображений".

Микола Горбаль (отбыл в заключении 5 лет; в ноябре 1975 г. этапирован в ссылку, после 2 месяцев мучительного этапа – в ссылке, первое время без всяких средств к существованию, без жилья) – туберкулез легких.

Александр Болонкин (отбыл в заключении 4 года, предстоят 2 года ссылки; в ссылке находится с осени 1976 г.) – геморрой в тяжелой форме, с сильными кровотечениями. Нуждается в операции.

Анатолий Марченко (отбыл в заключении 11 лет; в ссылке с весны 1975 г., срок окончания наказания – 1978 г.). Поли-

неврит с явлениями кратковременного паралича. Хронический двусторонний отит внутреннего уха (после перенесенного в заключении менингита); после освобождения необходимого лечения не получал, т. к. находился под надзором милиции. Глухота становится все более полной, хронический тяжелый гастрит.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ГРУППА СОДЕЙСТВИЯ ВЫПОЛНЕНИЮ ХЕЛЬСИНКСКИХ СОГЛАШЕНИЙ В СССР

Доводим до сведения глав правительств, подписавших Хельсинкское соглашение, и мировой общественности, что четыре члена Группы (из одиннадцати) в настоящее время подвергаются репрессиям: к Анатолию Марченко, отбывающему 4-годичную ссылку, добавились Владимир Слепак и Анатолий Щаранский, арестованные в приемной Президиума Верховного Совета СССР вместе с другими еврейскими активистами.

Кроме того, член Группы Александр Гинзбург подвергается почти ежедневным приводам в милицию только за то, что, не будучи прописанным в Москве, он приезжает сюда, так как здесь живет его семья и здесь он работает. Гинзбург не нарушает паспортного режима и правил прописки. Предвзятое отношение к нему органов милиции объясняется только тем, что он является распорядителем Солженицынского фонда помощи политзаключенным Советского Союза и активным членом Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

30 октября 1976 г.

Члены Группы: *Ю. Орлов, Л. Алексеева, М. Ланда, А. Корчак, Е. Боннэр (Сахарова), П. Григоренко.*

*Главам правительств государств,
подписавших Хельсинкские соглашения.*

*Профсоюзам США, Канады, стран Европы,
Пэн-клубу.*

АНАТОЛИЮ МАРЧЕНКО УГРОЖАЕТ ВНЕСУДЕБНАЯ РАСПРАВА

Судьбу члена нашей Группы Анатолия Марченко без преувеличения можно назвать трагической. Восемь лет лагерей и тюрем — двухлетнее пребывание на свободе — снова лагеря, на этот раз три года — и через четыре года — четырехлетняя ссылка, до конца которой сейчас остался еще год и десять месяцев.

Не подумайте, что Марченко — грабитель, разбойник, насильник. Нет, это трудолюбивый человек, безупречный семьянин и талантливый писатель. Вот это последнее обстоятельство и является причиной преследований, которым он подвергается со стороны КГБ.

Перу Марченко принадлежит книга "Мои показания" — одно из первых публичных свидетельств о советских политических тюрьмах и лагерях послесталинского времени. Год назад вышел его очерк "От Тарусы до Чуны", где он описал свой последний арест и дорогу в ссылку, а 28 октября стало известно, что в девятом номере "Континента" появится статья о разрядке "Третье не дано", написанная двумя авторами, и один из них — Марченко.

Возможно, именно это вызвало гнев коменданта отделения милиции Корзуна, курирующего Марченко в ссылке. 30 октября он вызвал его к себе и без всякого видимого повода обрушил на него поток оскорблений и угроз. "Таких, как ты, вешать надо, — кричал Корзун. — Тебе ссылка не наказание, для тебя нужно другое, ты здесь не удержишься. Пиши, кому хочешь и куда хочешь, не поможет. Если тебя пришьет кто-нибудь

на улице, я тому спасибо скажу”.

Можно было бы расценить эту сцену как проявление самодурства Корзуна. Но у Марченко есть доказательства, что она была заранее отрететирована. Корзун провоцировал его на какое-нибудь противодействие, которое можно будет расценить как ”сопротивление властям”, чтобы затеять новое судебное преследование. Ведь Марченко и прежде не судили открыто за книгу – каждый раз его естественные, совершенно укладывающиеся в рамки закона поступки толковали как нарушение закона, а на последнем процессе были использованы лжесвидетельства двух милиционеров.

Вызывает тревогу и фраза Корзуна о возможности избияния на улице. Это стало довольно распространенным способом неявной расправы.

Мы заявляем, что у Марченко нет врагов среди жителей поселка, где он отбывает ссылку. Если он будет избит на улице, – это избияние наверняка будет совершено подставными лицами.

Мы просим вмешательства общественности, чтобы оградить Анатолия Марченко от нового судебного процесса или внесудебной расправы.

2 ноября 1976 г.

Члены Группы: *Людмила Алексеева, Александр Гинзбург, Мальва Ланда, Юрий Орлов.*

ЗАЯВЛЕНИЕ

16 ноября с. г. Прокуратура г. Москвы (следователь Тихонов) устроила обыск в квартире и на даче К.М. Симеса и Д.И. Каминской. В постановлении на обыск было сказано, что он проводится "по подозрению в хранении антисоветской литературы". Среди изъятого – зарубежные издания известных русских и советских поэтов (Цветаевой, Мандельштама, Пастернака, Ахматовой), личные записки, записные книжки с телефонами, пишущие машинки, фотоаппараты.

Константин Михайлович Симес – известный советский юрист-международник. Его жена Дина Исаковна Каминская – адвокат, среди подзащитных которой в разное время были такие известные борцы за гражданские права в СССР, как Юрий Галансков, Владимир Буковский, Илья Габай, Анатолий Марченко, Павел Литвинов. После нескольких резких судебных выступлений (ее защитительные речи были опубликованы в сборниках "Пушкинская площадь", "Процесс четырех", "Полдень. Красная Площадь", "Дело Джемилева и Габая") была лишена возможности участвовать в качестве адвоката по политическим делам. Она не была допущена, в частности, к процессам С. Ковалева и А. Твердохлебова, хотя на этом настаивали и обвиняемые, и их родственники. Но и в этом положении Д.И. Каминская не отказывала в юридической помощи людям, преследуемым по политическим мотивам. Буквально за несколько дней до обыска 16 ноября она приняла на себя защиту участника демонстрации за право на выезд в Израиль Бориса Чернобыльского, ложно обвиненного в "злостном хулиганстве".

Группа содействия обращает внимание глав правительств стран-участниц совещания в Хельсинки и общественности этих стран на тот факт, что обыск и изъятие у К.М. Симеса и Д.И. Каминской книг, записей и орудий труда – нарушение одновременно нескольких статей Всеобщей декларации прав человека, а именно: статей 12, 19 и 27. Но в случае преследования *адвока-*

ти — в отношении других граждан страны — нарушается и статья 7 Декларации — о праве на защиту.

Группа содействия призывает общественность стран-участниц Хельсинкского совещания, и в частности международные организации юристов, выступить в защиту К.М. Симеса и Д.И. Каминской.

2 декабря 1976 г.

Людмила Алексеева, Елена Боннэр, Александр Гинзбург, Петр Григоренко, Александр Корчак, Мальва Ланда, Анатолий Марченко, Юрий Орлов, Владимир Слепак, Анатолий Щаранский.

СПЕЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

Органы КГБ, не имея законных оснований для вмешательства в деятельность Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, прибегают к противоправным методам воздействия на ее членов, а именно: к шантажу и запугиванию. Так, сотрудники КГБ на днях предупредили *сына* Мальвы Ланда, что, если *она* не прекратит свою "деятельность" в Группе, — *его* могут уволить с работы.

2 декабря 1976 г.

Алексеева, Боннэр, Гинзбург, Григоренко, Корчак, Орлов, Слепак, Щаранский.

СИСТЕМА ЗАЛОЖНИКОВ (Заявление Мальвы Ланда)

За мою "деятельность" в Группе содействия выполнению Хельсинкских соглашений — моему сыну угрожают увольнением с работы.

29-го ноября 1976 года два сотрудника КГБ провели "беседу" с моим сыном, Алексеем Алексеевичем Германовым, 1941 года рождения, работающим преподавателем физкультуры на кафедре физического воспитания Московского государственного университета. Они осведомились, знает ли он — какой преступной деятельностью занимается его мать, читал ли... (что именно — не ясно). Оказалось, что он не в курсе дела, знает лишь, что его мать подвергалась ряду обысков, на которых изымалась литература... Ему разъяснили, что его мать, Мальва Ноевна Ланда, участвует в деятельности *нелегальной* Группы (Хельсинки), которая не верит в выполнение Хельсинкских соглашений (в СССР), а также хочет, чтобы Буковского, никому неизвестного *уголовника*, обменяли на Луиса Корвалана, всем известного...; руководителем этой группы является бывший член-корреспондент Армянской Академии наук Юрий Орлов, который нигде не работает и *неизвестно, на что живет*; один из членов этой группы — уже уехал за границу (!). Сотрудники КГБ отметили, что образованная при конгрессе США официальная группа (комитет) контроля за выполнением Хельсинкских соглашений — не вызывает у них претензий. Они также осведомили А. Германова, что его мать получает подарки из-за границы (следовательно, деятельность ее не бескорыстна), посылает в тюрьму заключенным деньги (а ведь эти заключенные совершили очень тяжкие преступления!); она посылает на свои деньги...

А. Германову сказали, что пока у него на работе не знают, кто его мать и *какой деятельностью* она занимается, однако

если узнают об этом (к тому же она может быть арестована...), то, вероятно, руководители кафедры (и университета) не захотят держать его на работе... (Кстати, о том, что он должен явиться на эту "беседу", А. Германова предупредил зав. кафедрой; беседа проводилась в его кабинете — М.Л.)

Сотрудники КГБ предложили моему сыну А. Германову — оказать на меня "педагогическое воздействие", убедить в необходимости прекратить "деятельность", в первую очередь — деятельность в Хельсинкской группе. Они выразили мнение, что задача эта нелегкая и, может быть, придется сделать несколько попыток. Через неделю, 6 декабря (на следующий день после 40-летия Сталинской Конституции Советского Союза — М.Л.), они намерены выяснить, насколько моему сыну удался этот "педагогический эксперимент".

Я хочу обратить внимание всех, небезразличных к нарушению человеческих и гражданских прав и свобод, что жертвами советского коммунистического режима оказываются не только люди, *обнаруживающие свой образ мыслей*, люди, передающие *правдивую информацию*. Гонениям подвергаются и те, кто всего лишь причастен к этим людям в качестве их родственников и друзей. (Например, дискриминации в отношении работы подвергаются жены многих политзаключенных — узников совести; им часто не дают работать по специальности, допускают лишь к низко оплачиваемым тяжелым работам... .)

Из моего сына пытаются сделать *заложника* — с целью принудить меня поступать так, как угодно госбезопасности СССР.

Я заявляю, что так же, как и до этого "предупреждения", буду прилагать усилия для разоблачения противоправных действий советской власти, для защиты и помощи ее жертвам. Я буду заниматься этим и как член Группы, организованной и руководимой Юрием Федоровичем Орловым, которого я глубоко уважаю и люблю; я подчеркиваю, что деятельность Группы не противоречит советским законам и гражданским правам, формально признаваемым советским государством.

Я требовала и буду требовать — прекратить истязания, освободить политзаключенных СССР. Освободить Владимира Буковского! Я была бы счастлива, если бы этого человека — луч-

шего из лучших, достойнейшего из достойнейших — освободили даже в обмен на освобождение Л. Корвалана...

Позор тому "государственному и общественному строю", который защищает себя от честных людей, не желающих мириться со злом, от людей, которые никогда не прибегали и не призывали к насилию. Позор государству, для которого "особой опасностью" являются честность, талант, независимая мысль. Позор государству, прибегающему для самозащиты к лжи, террору и системе заложников.

30 ноября 76 г.

Мальва Ланда
член Группы содействия выполнению
Хельсинкских соглашений в СССР

Примечание.

1. Когда моему сыну предъявлялись указанные выше претензии — в то время я об этом еще не знала, — я работала над статьей, в которой на конкретном материале показываю, что советская пресса, в частности "Литературная газета" от 27 октября и 3 ноября 76 г., беззастенчиво оговаривает Владимира Буковского, приписывает ему обвинения в деяниях, отсутствующих даже в его приговорах (обвинения, имеющиеся в приговорах, в свою очередь также являются абсурдными и необоснованными); я показываю, что "Литературная газета", ее корреспонденты и первый заместитель министра СССР Сухарев (которому "Литературная газета" предоставила свою страницу) — совершают преступление, предусмотренное статьей 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР: распространяют не соответствующие действительности сведения, порочащие честь и достоинство Владимира Буковского и других диссидентов, в том числе диссидентов, находящихся в настоящее время в тюрьмах и концлагерях. Я обращаю внимание на то, что текст приговора Владимира Буковского, приговоры вообще всех осужденных диссидентов, не публикуются в советской прессе, держатся в секрете даже от родственников осужденных; власти делают все от них зависящее, чтобы эти приговоры не стали известны на Западе... Мне кажется, что и без того анализа, который я попыталась осуществить в своей статье, — сам стиль

советской прессы в тех случаях, когда она касается Владимира Буковского, других диссидентов, инакомыслия и т. д., — говорит сам за себя.

2. Я посылала письма и деньги во Владимирскую тюрьму и концлагеря лицам, которые осуждены исключительно по политическим мотивам: за *образ мыслей* (исключительно!), за *образ мыслей и передачу правдивой информации*, а также лицам, осужденным за *попытку уйти (или убежать) из Страны Советов*, нередко в обвинение входит и их *образ мыслей* (!).

В тех случаях, когда мне удавалось добыть более или менее подробную информацию (разумеется, правдивую) о них и о той "деятельности", за которую они осуждены, а также когда удавалось добыть подлинный *текст приговора*, — я пыталась предать эти материалы гласности. Я хочу отметить, что условия, в которых содержатся в советских "исправительно-трудовых учреждениях" не только политзаключенные, не совершившие никаких преступлений, но также и преступники, — вопиют к милосердию...!

30. 11. 76 г.

М. Ланда

6-го декабря Алексей Германов явился в назначенное время (14.00) в Управление КГБ на Дзержинской 16. Беседовали с ним (в одном из кабинетов этого учреждения) те же двое, что и 29-го ноября.

Да, он сообщил своей матери содержание "беседы" 29-го ноября, однако он в этом деле не разбирается и сделать ничего не может. Это вообще не его дело.

Сотрудники КГБ пытались выяснить:

— Как реагировала М.Н. Ланда на сделанное ее сыном сообщение?...

— Как поступил бы А.А. Германов, если бы он, например, увидел, что студенты распространяют антисоветские листовки (??!).

(А.А. Германов такого не видел...)

— Как относится к тому, что делает М.Н. Ланда, жена А.А. Германова: она ведь несколько раз приезжала в гости к М.Н. Ланда ... ?

(Алексей Германов пояснил, что его жена приезжала кататься на лыжах.)

Сотрудники КГБ в процессе беседы снова напомнили А.А. Германову, что его мать занимается антисоветской, преступной деятельностью. Заявили, что, по-видимому, им придется встречаться с А.А. Германовым еще. Последний сказал, что ему не хотелось бы (!). Однако они спросили и записали его телефон. Затем отпустили – заниматься физкультурой со студентами. "Беседа" заняла минут 20-30.

7 декабря 76 г.

М. Ланда

Правительственным и общественным организациям, следящим за выполнением решений Хельсинкского совещания.

С тех пор как в мае 1976 года в Москве была создана Общественная группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, к нам в группу поступают письма от советских граждан, которые в течение длительного времени безуспешно добиваются реализации своих гражданских прав.

За два месяца своего существования Группа опубликовала ряд документов о различных аспектах выполнения Советским Союзом гуманитарных статей Хельсинкской декларации и разослала их главам правительств, подписавшим эту Декларацию.

Однако мы видим свою задачу не только в том, чтобы освещать эту политику, но и в том, чтобы привлечь внимание международного общественного мнения к конкретным людям, страдающим из-за невыполнения советскими властями определенных пунктов Хельсинкского совещания. Их судьбы по разным причинам не известны или недостаточно известны мировой общественности.

Убедившись в достоверности фактов, сообщенных авторами этих писем, мы направляем Вам копии некоторых из них и просим Вас придти на помощь этим людям.

С уважением, члены Группы содействия:

*Людмила Алексеева, Мальва Ланда,
Юрий Орлов, Владимир Слепак, Анатолий Щаранский.*

*В Группу содействия выполнению
Хельсинкских соглашений в СССР от
Шмуля Израилевича Бронфмана,
1944 года рождения, проживающего
по адресу: Одесса, пер. Митракова,
дом 2, кв. 18*

Я обращаюсь к вам после того, как все мои попытки добиться от советских властей разрешения на воссоединение нашей семьи окончились безрезультатно, несмотря на трагические обстоятельства, требующие от советского правительства в соответствии с Хельсинкской декларацией особо гуманного подхода.

Мой отец-раввин и мать уехали в Израиль еще в 1970 году. В 1971 году в Израиль уехали два моих брата и две сестры. Я же, моя жена, наши дети (дочки шести лет и одиннадцати месяцев) и старые родители жены не можем с 1971 года получить разрешение на выезд на том основании, что до 1970 года я работал на закрытом предприятии.

Три года тому назад 20 июля 1973 года комиссия Одесского ОВИРа (в составе председателя — зам. начальника УВД Одесской области полковника Осоло, членов комиссии ОВИРа полковника Сердюка и двух ответственных сотрудников КГБ Касьяна и Пономаренко, зам. прокурора Одесской области Вухтиярова) сообщила мне, что срок моей секретности кончается 1 июля 1976 года. Однако теперь мне говорят, что эти сроки уже устарели и надо ждать еще неопределенное время.

Все эти годы мы живем в тяжелых условиях. Отец жены болен параличом горла. Вся наша семья — 6 человек — живет в одной комнате площадью 15 кв. м без удобств. Меня, инженера, еще в 1973 году принудительно послали работать рабочим на завод металлоизделий.

Но самое большое несчастье обрушилось на нашу семью недавно: врачи обнаружили, что моя жена Рая Бронфман смертельно больна — острый лейкоз. Сейчас ее состояние ухудшается буквально с каждым днем. Мои друзья обратились к начальнику Всесоюзного ОВИРа Обидину и представителю ЦК Альбер-

ту Иванову с призывом срочно пересмотреть и удовлетворить ходатайство нашей семьи о воссоединении, учитывая обязательства Советского Союза, данные в Хельсинки, об особо гуманном и благожелательном рассмотрении заявлений о воссоединении семей от тяжело больных людей. Однако 29 июля с.г. А. Иванов заявил: "Советские люди родились в СССР и пусть умирают в СССР"; — и отказался пересмотреть заявление.

Прошу Вас оказать мне и моей семье помощь в срочном воссоединении нашей семьи в Израиле.

Адрес нашей семьи в Израиле: Иерусалим, Гиват-Мордехай, ул. Маи 3/48 Иава Хайт.

Ш. Бронфман

В Общественную группу по контролю над выполнением решений Заключительного Акта Хельсинкского соглашения от Ирины Макклеллан

В мае 1974 года я вышла замуж за американского гражданина Вудфорда Макклеллана. В том же месяце подала документы на гостевую визу для выезда с мужем в Соединенные Штаты Америки, а в августе 1974 года получила отказ. В московском ОВИРе, где находились мои документы, со мною беседовали двое сотрудников КГБ, пытавшихся объяснить мне причину отказа. Причина отказа, по их мнению, заключалась в том, что я знаю государственные секреты. В беседе с ними я пыталась выяснить, где и какого рода секреты имеются в виду. Но безуспешно. В заключении они сказали, что необходим год, чтобы моя голова выветрилась. Но моему мужу будет разрешено меня навещать в любое время. Здесь я хотела бы заметить, что до нашего брака В. Макклеллан приезжал 4 раза в Советский Союз за время нашего двухлетнего знакомства. Кроме того, как специалист по русской истории XIX века он и до нашего знакомства неоднократно бывал здесь, и никаких препятствий по поводу получения визы ему не чинилось. Теперь же, когда у него русская жена и, кажется, связи его с этой страной углубились, реакция советских властей стала прямо про-

тивоположной. Вот уже в течение двух лет мы не видели друг друга; на вопрос Гос. департамента США, почему же мужу не разрешается увидеться с женой, советское посольство в Вашингтоне дает такой ответ: "Въезд г-на Макклеллана в Советский Союз нежелателен".

Итак, в августе мой муж, закончив свою работу в Москве (в 1974 году с января по август он находился в СССР по обмену профессоров по линии Академии наук), покинул СССР. И мы начали борьбу за воссоединение. В августе 1974 года, еще находясь в Москве, мой муж написал серию писем советским властям, как-то: т. Брежневу, в Верховный Совет СССР, в газету "Правда", но ответа не получил. Кроме того, мы были тогда же на приеме у начальника ОВИРа Фадеева С., пытаюсь выяснить причины отказа. На вопрос моего мужа, как же действуют в нашей стране конституция и Декларация прав человека, начальник ОВИРа авторитетно заявил, что здесь в ОВИРе нет никаких конституций и деклараций, здесь действуют инструкции. Далее он сказал, что имеет полное право вообще не объяснять причину отказа.

С тех пор я писала много писем советским властям, но ни на одно не получила ответа. Я подавала документы на приглашение мужа в СССР — безрезультатно. В течение целого года с момента первого отказа всевозможные начальники ОВИРОВ настаивали на том, что я все же знаю секреты государственной важности. Спустя год, они приняли новую формулировку — моей поездке к мужу мешает моя информированность.

В марте 1975 года я была на приеме у зам. начальника ОВИРа Золотухина, и он сказал, что по гостевой визе меня никогда не выпустят, а вот если я за два дня принесу все документы на постоянное жительство, тогда все будет в порядке, т.е. они дадут визу. Я все это сделала, уволилась с работы, а вскоре, т.е. через три недели, получила очередной отказ, теперь уже без каких-либо объяснений. В ноябре 1975 года я писала в комиссию по подготовке XXV съезда, но мое письмо было направлено в Министерство внутренних дел, т.е. его даже не рассматривали и соответственно не дали никакого ответа.

Сегодня, т.е. 9 мая 1976 года, я снова была во Всесоюзном ОВИРе, Московский ОВИР уже почти год не занимается моими делами и постоянно отправляет меня туда. Начальник ОВИРа

Обидин снова объявил мне отказ, не объяснив причину отказа, и единственное, что он выразил более или менее конкретно, что в декабре с.г., если я подам заявление на пересмотр, они снова пересмотрят, но гарантий, естественно, он никаких не дает.

В заключение я хочу сказать, что с января 1973 года, соответственно и в момент регистрации нашего брака, я работала в школе преподавателем английского языка.

Прошу Группу оказать помощь и содействие в воссоединении нашей семьи.

С благодарностью и уважением
9 июля 1976 года

*В Группу содействия выполнению
Хельсинкских соглашений в СССР от
Перцевой Алины Анатольевны
(Москва, Ходынская ул., д. 4, кв. 14,
259-42-23)*

Я вынуждена обратиться к Вам, так как наше желание воссоединиться с моим отцом, Зверевым Анатолием Ивановичем, невозможно осуществить из-за отсутствия письменного заявления от матери мужа. К сожалению, она отказывается вообще что-либо писать.

Мой отец в 1940 году был призван в армию, в 1942 году попал в плен. Долгое время считался без вести пропавшим. В 1959 году разыскал нас, и с того времени я с ним переписываюсь.

В настоящее время отец – гражданин США, работает в "Вестингауз электрик корпорейшн". Его адрес:

914 Hillcrest rd., Hanover Md. 21076 USA.

В 1974 году я подала заявление на гостевую визу. В январе 1975 года мне было отказано в визе. Зам. начальника ОВИРа Золотухин на вопрос о причине отказа и когда можно возобновить просьбу о визе, предупредил, что просьба эта бесполезна, так как причина в отце. Куратор ОВИРа генерал Сорочкин на тот же вопрос ответил, что отец – "невозвращенец", что я – "морально ответственна за дела своего отца" и что я "лишена права выезда за пределы СССР".

Я не потеряла надежду увидеть своего отца. Сорочкин не ответил на вопрос, кто меня лишил права выезда, государственных секретов не знаю, не работаю семь лет и считаю себя вправе выехать к отцу.

В 1975 году 13 июня я отправила все документы, за исключением заявления от матери мужа, в Президиум Верховного Совета для получения выездной визы на постоянное жительство к отцу в США.

Вместе со мной выезжает мой муж – Перцев Леонид Л., 1939 года рождения, наши дети: Кирилл – 7 лет, Марфа – 3 года.

По Хельсинкскому соглашению мы имеем право воссоединиться с отцом, с другой стороны, мы этого сделать не можем из-за отсутствия заявления матери мужа.

5 июля 1976 года

*В Группу содействия выполнению
Хельсинкских соглашений в СССР
от Ахтерова П.А.*

Прошу Вашего содействия в создании мне условий для завершения научной работы.

С такой же просьбой я обращался в ЦК КПСС в январе 1976 года. В ответ на мое письмо пришел человек по поручению гор. исполкома, ознакомленный с содержанием моего письма. Он спросил:

– Вы веруете в Бога?

– Да.

– Значит, мы с Вами враги.

– Враги идейные. Не будем же из-за этого драться.

– Нет. Но материалы Вашей научной работы отправьте в Харьков (он назвал адрес). – Там ими будут заниматься специалисты.

– А я?

– А у вас же нет такой возможности.

С дискриминацией в области религии я столкнулся с тех пор, как уверовал в Бога.

Я христианин веры Евангельской. Представители власти и администрация стали обращаться со мной хуже, чем с негром в США. Всячески ущемляли, снизили оклад. Сотрудники КГБ принуждали отречься от Бога, угрожали тюрьмой. А в случае отречения от Бога обещали повышение в должности.

Когда я женился, то сотрудники КГБ разогнали гостей, а меня и некоторых других продержали всю ночь в КГБ, заставляя отречься от Бога. Это было в г. Коммунарске.

Я — инженер-металлург — работал тогда старшим фабрикатором на металлургическом заводе. В 1961 году я уехал на заработки в Якутию. После моего возвращения сотрудники КГБ сказали, что я имею право работать только в шахте, в забое.

Меня не приняли ни в одном предприятии города, и я пошел работать в шахту забойщиком. Но и после этого меня не оставили в покое. Все чаще вызывали в КГБ. А затем арестовали на шахте, когда я пришел оформить расчет.

В течение двух месяцев до суда предлагали свободу, если я отрекусь от Бога.

Суд был вопиющим беззаконием. Меня обвиняли в том, что я якобы вышел из профсоюза по религиозным убеждениям, что я не слушаю радио, не читаю газеты, не смотрю кино. Якобы нигде не работал, вредил здоровью, клеветал на советскую действительность. А общественный обвинитель Трубицын утверждал, что мы, верующие, приносим в жертву людей и похоронили живую тещу Петраша (одного из подсудимых). На самом деле она умерла в больнице.

Меня осудили на 5 лет.

Во время отбытия наказания я подал ряд рационализаторских предложений. Только одно из них дает 25 тысяч рублей ежегодной экономии. Мне неоднократно предлагали свободу, если я отрекусь от Бога.

После заключения мне удавалось устроиться рабочим обычно там, где не знали, что я верующий. Попытки устроиться по специальности были безуспешными. Один из сотрудников КГБ в г. Старобельске сказал мне, что у нас в СССР специалист — руководитель является воспитателем, а верующим мы не позволим воспитывать людей. В Ворошиловграде мне удалось устроиться чистильщиком литья. Когда администрация цеха узнала, что я верующий, мне устроили встречу с сотрудниками

КГБ в кабинете начальника цеха. Состоялась 4-часовая беседа. На следующий день начальник участка предложил мне написать заявление об увольнении.

В настоящее время я работаю кочегаром в г. Славянске. Принявший меня на работу начальник котельной Ткаченко говорил, что ни за что не принял бы меня, если бы знал, что я верующий. А многие начальники в Северодонецке, Старобельске, Коммунарске, Счастье так и поступали.

После таких мытарств я очень сомневаюсь в удовлетворении моей просьбы.

Из Академии наук СССР я получил положительный отзыв о моей работе. Но для завершения ее мне предлагают повторить опыты в вакууме. Я же не имею такой возможности.

Если в СССР практически невозможно верующему человеку работать в научном учреждении и Вы не сможете в этом помочь мне, то прошу Вашего содействия моему выезду с семьей из СССР за границу.

Мой адрес: 343212 Донецкая обл., г. Славянск, ул. Крымская, 17, Ахтерову П.А.

Состав моей семьи:

Ахтеров Павел Алексеевич, 1930 г.р., 18 ноября, русский;
Ахтерова Раиса Алексеевна, 1935 г.р., 9 октября, русская;
Ахтерова Людмила Павловна, 1956 г.р., 20 октября, русская;
Ахтерова Татьяна Павловна, 1958 г.р., 23 июля, русская;
Ахтерова Ирина Павловна, 1959 г.р., 12 сентября, русская;
Ахтеров Филипп Павлович, 1961 г.р., 27 марта, русский;
Ахтеров Виктор Павлович, 1967 г.р., 20 февраля, русский;
Ахтерова Элеонора Павловна, 1973 г.р., 4 марта, русская.

С уважением

15 июля 1976 г.

§ 5.00